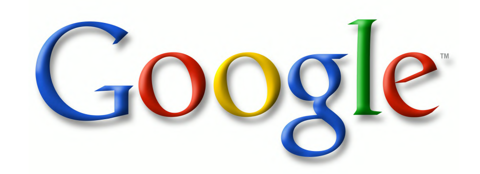
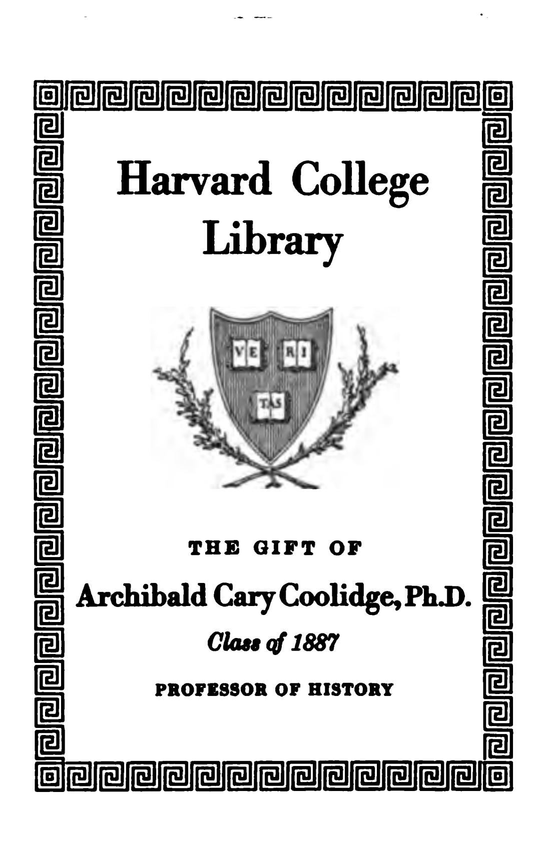

ВЕСЕЛОВСКІЙ — ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

НА ПОЛЬЗУ РОССІИ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

(РѢЧЬ, ЧИТАННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ 29 ДЕКАБРЯ 1864 ГОДА АКАДЕМИКОМЪ К. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1865.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

НА ПОЛЬЗУ РОССІИ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И ТЕКУЩЕМЪ СТОЛѢТІЯХЪ.

(РѢЧЬ, ЧИТАННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ АКАДЕМІИ 29 ДЕКАБРЯ 1864 ГОДА АКАДЕМИКОМЪ
К. С. ВЕСЕЛОВСКИМЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1865.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, 20 февраля 1865 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 24 день декабря 1863 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: «предоставить «Академіи Наукъ составить проектъ новаго Устава, съ цѣлію усилить ея ученую дѣятель-«ность, направивъ ее преимущественно на пользу Россіи».

Итакъ, по волѣ Монарха, и на Академію распространится благодѣяніе тѣхъ реформъ, которыми нашъ общественный строй обновляется во всѣхъ своихъ частяхъ; и Академія, ведущая свою исторію съ великихъ преобразованій Петра I, начнетъ новую эру свою съ тѣхъ, еще болѣе великихъ преобразованій, которыми Александръ II вызываетъ Россію къ новой жизни.

Никогда не бываетъ столь полезно оглянуться на прожитое нами прошедшее, какъ въ эпохи поворотовъ, когда предъ нами являются новыя задачи, и когда для выбора между открывающимися для насъ новыми путями необходимо обозрѣть то, что уже сдѣлано, и уяснить то, что остается еще сдѣлать. Такимъ естественнымъ поводомъ къ пересмотру своего прошедшаго не можетъ не служить для Академіи предстоящее ей измѣненіе ея Устава: теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, умѣстно оглянуться на то, что мы сдѣлали и въ какой мѣрѣ оправдали высокое покровительство, изливавшееся на Академію съ высоты Престола. Поэтому позвольте, Милостивые Государи, представить вниманію Вашему краткое историческое обозрѣніе трудовъ Академіи въ прошломъ и текущемъ столѣтіяхъ. Задачею моею, конечно, не можетъ быть историческая оцѣнка всѣхъ сторонъ дѣятельности Академіи за столь продолжительный періодъ времени; такая задача была бы несоразмѣрна съ моими слабыми силами, и притомъ краткость времени, въ теченіе котораго мнѣ позволительно занимать благосклонное вниманіе Ваше, возлагаетъ на меня обязанность ограничиться лишь главными, наиболѣе существенными сторонами дѣятельности Академіи, или точнѣе сказать почти только тѣми, которыя и до сихъ поръ не утратили своего значенія. Труды Академіи, созданной Великимъ Петромъ, такъ многосторонне соприкасаются съ исторіею науки, литературы и искусства въ Россіи, въ прошломъ столѣтіи, что тотъ, кто бы предпринялъ написать полную и правдивую исторію Академіи, съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ былъ бы написать одну

*

изъ важнѣйшихъ главъ общей исторіи просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ: задача прекрасная, но и не легкая, требующая для своего выполненія долгихъ приготовительныхъ работъ, обнародованія большаго числа еще неизданныхъ архивныхъ документовъ и разъясненія многихъ еще не тронутыхъ историческихъ вопросовъ.

Многознаменательно и не случайно то, что учрежденіе Академіи Наукъ совпадаетъ съ основаніемъ военнаго и политическаго могущества Россіи въ европейской системѣ государствъ. Какъ геній, далеко опередившій свой вѣкъ, Петръ сознавалъ, что для доставленія Россіи мѣста въ числѣ первенствующихъ державъ Европы, недостаточно было одного войска и флота. Необходимо было гармоническое развитіе тѣхъ началъ, совокупность которыхъ мы называемъ просвѣщеніемъ, потому что оно создаетъ силу государствъ гораздо прочнѣе, чѣмъ крѣпости и пушки. Дайте намъ просвѣщеніе, науку, а съ этимъ мы уже и сами изобрѣтемъ пушки и укрѣпленія. Разъ сознавши эту истину, Петръ, какъ человѣкъ сильнаго характера, не любившій отступать передъ трудностями и дѣлать вещи на-половину, задумалъ обширный и оригинальный планъ пересадки къ намъ европейской науки во всемъ ея значеніи. Такъ родилась и созрѣла въ немъ мысль объ Академіи, планъ которой, по идеямъ Петра, былъ начертанъ его лейбъ-медикомъ Блюментростомъ. Именно двухъ цѣлей желалъ онъ достигнуть учрежденіемъ Академіи: во-первыхъ онъ хотѣлъ, чтобы и въ Россіи разработывалась наука въ своемъ высшемъ, безотносительномъ значеніи. Понимая, что наука сама по себѣ у всякаго народа можетъ привлекать и занимать только небольшое число людей изъ общей массы, и что для успѣховъ ея необходимы покровительство и попеченія правительства, онъ возлагалъ поощреніе учености на обязанность государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ для славы отечества, чтобы и оно наконецъ имѣло свою долю въ общемъ ходѣ успѣховъ науки. «Академики», говорилъ онъ, «должны пріобрѣсть намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что и у насъ работаютъ для науки, и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукой». Во-вторыхъ это заведеніе должно было получить такое устройство, чтобы отъ него «черезъ обученіе и размноженіе художествъ и наукъ польза въ народѣ впредь была». Это двоякое назначеніе Академіи, въ проектѣ Петра, изложено слѣдующимъ образомъ:

«При заведеніи простой Академіи Наукъ обои намѣренія не исполняются, ибо хотя «черезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, «однакожъ де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета и меньше «того. Ибо когда разсудишь, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ «которыхъ бы младые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и «угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ «нѣкоторую пользу учинить могъ. И тако потребнѣе всего, чтобы здѣсь таковое собраніе «заведено было, ежелибъ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло». Главнымъ назначеніемъ этихъ «самолучшихъ ученыхъ» поставлено «науки производить и совершать»; но въ тоже время имъ вмѣнялось въ обязанность «публично обучать младыхъ людей, ежели которыя изъ оныхъ угодны будутъ», т. е. читать публичныя лекціи и сверхъ того «обучать при себѣ нѣ-

которыхъ людей, которые-бъ и сами младыхъ людей первымъ рудиментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли». Каждому изъ академиковъ предполагалось придать по нѣскольку воспитанниковъ «изъ словенскаго народа». Такимъ образомъ предполагалось одно зданіе, которое должно было состоять изъ трехъ «собраній»:

1) Изъ «совершенной Академіи», которой члены должны были «трудиться о совершенствѣ художествъ и наукъ, оказывать, въ случаѣ надобности, своими познаніями помощь присутственнымъ мѣстамъ и заботиться о распространеніи и заведеніи «вольныхъ художествъ и мануфактуръ». 2) Въ тоже время Академія предназначалась быть «университетомъ», гдѣ преподавались бы академиками публичныя лекціи о художествахъ и наукахъ, и 3) при ней долженъ быть еще «гимназіумъ», въ которомъ адъюнкты академиковъ должны были преподавать первыя основанія наукъ и приготовлять своихъ учениковъ къ университету, къ должности учителей для будущихъ училищъ, и т. д.

Таковъ былъ планъ Петровской Академіи. Если вспомнить тогдашнее состояніе просвѣщенія въ Россіи, не представлявшее никакихъ матеріаловъ для такого зданія, то величіе и смѣлость этого плана не можетъ не броситься въ глаза. Но не таковъ былъ Петръ, чтобы бояться великаго, потому только что оно трудно. Задумавъ строить зданіе полезное, и не имѣя вокругъ себя нужныхъ для того матеріаловъ, онъ положилъ выписать ихъ изъ внѣ, и подобно тому, какъ онъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, образовалъ войско при помощи нѣсколькихъ тысячъ иностранныхъ офицеровъ, онъ, желая водворить въ Россіи науку, выписалъ изъ-за границы ученыхъ для созданной имъ Академіи.

Эта мѣра Великаго Преобразователя Россіи подвергалась не рѣдко порицаніямъ, особенно въ новѣйшее время. Но тѣ, которые позволяли себѣ эту критику, не понимали ясно ни того, къ чему стремился Петръ и какія имѣлъ средства для осуществленія своихъ великихъ плановъ, ни того, какой плодъ принесли сѣмена, брошенныя имъ въ нашу почву. Да и не намъ еще судить Петра; еще не въ наше время, когда лишь продолжаются Петровскія реформы, возможенъ спокойный и правдивый судъ исторіи надъ мѣрами Великаго; ибо правдивость исключаетъ собою односторонность, а можно ли уберечься отъ односторонности—среди раздраженія страстей, затрогиваемыхъ тѣми самыми интересами, которыхъ коснулись эти реформы. Академія, основанная по обширному плану Петра, въ то время, когда въ Россіи не было ни ученыхъ, ни училищъ, ни даже охоты учиться, должна была по необходимости, во всё первое время своего существованія, почерпать свои дѣйствующія силы изъ чужихъ краевъ, и почерпала ихъ преимущественно изъ Германіи. Это обстоятельство, которое было простымъ послѣдствіемъ логики историческихъ событій, послужило для нѣкоторыхъ поводомъ отвергать пользу Академіи для Россіи въ прошломъ столѣтіи.

Предъ Вами, Милостивые Государи, собравшимися здѣсь во имя науки, я не могу себѣ позволить вдаваться въ разборъ подобныхъ обвиненій, источникъ которыхъ кроется въ побужденіяхъ совершенно чуждыхъ наукѣ. Оставаясь исключительно въ сферѣ идей, имѣющихъ своимъ предметомъ одно знаніе, я только замѣчу, что изъ всѣхъ проявленій человѣческаго духа, наука всего менѣе пріурочена къ тѣмъ географическимъ разграниченіямъ, которыя

историческими судьбами проведены между разными народностями. Въ этомъ отношеніи она составляетъ противоположность съ искусствомъ: какъ всю жизнь и силу искусства составляетъ индивидуальное, народное; такъ содержаніе науки есть всеобщее, космополитическое.

Allen gehört was du denkst, Dein ist nur was du fühlst.

Невтонъ, открывшій законы всеобщаго тяготѣнія, оказалъ тѣмъ услугу не однимъ англичанамъ, но и всей образованной части человѣчества, безъ различія націй. Гальванопластика изобрѣтена въ Россіи, но отъ этого не уменьшается польза, которую всѣ промышленные народы извлекаютъ для себя изъ этого прекраснаго открытія. Если въ сферѣ искусства — заимствованія, или переносы изъ одной страны въ другую, мало приносятъ пользы, то въ области наукъ такой взаимный обмѣнъ между разными народами есть всеобщій фактъ, идущій черезъ всѣ фазы исторіи человѣчества, и составляющій основу цивилизаціи, именно тѣмъ, что общечеловѣческій капиталъ знаній, отъ взаимнодѣйствія разныхъ народностей и отъ передачи наслѣдія однимъ поколѣніемъ другому, постоянно возрастаетъ. Римляне заимствовали и науку и ученыхъ отъ Греціи. Въ Европѣ успѣхи просвѣщенія и науки потому и были такъ быстры, въ противоположность застою азіятскихъ государствъ, что въ Европѣ между разными народностями существуетъ въ сферѣ знаній дѣятельный обмѣнъ, тогда какъ въ Азіи, при замкнутости отдѣльныхъ народностей, каждая изъ нихъ должна выработывать почти все сама изъ себя. Трудно себѣ представить, что было бы съ европейской цивилизаціей, если бы и здѣсь каждый народъ, ревниво оберегая себя отъ заноса иностранной науки, пожелалъ бы развивать все изъ самого себя. Но къ счастію такъ не было. Обращаясь въ особенности къ учрежденіямъ, исключительно назначеннымъ для воздѣлыванія науки, мы видимъ въ исторіи важнѣйшихъ изъ нихъ множество примѣровъ того, что въ составъ ихъ приглашались иностранные ученые. Когда Людовикъ XIV особенно старался, по совѣту великаго Кольбера, поднять значеніе парижской академіи наукъ, онъ не щадилъ ничего, чтобы привлечь въ нее знаменитыхъ въ то время ученыхъ изъ Голландіи, Даніи и Италіи. Точно также Фридрихъ II, соединившій со славою великаго полководца и мудраго государя славу покровителя наукъ, придалъ особенный блескъ берлинской академіи призывомъ въ нее даровитыхъ ученыхъ изъ Франціи.

Дѣятельность Академіи, учрежденной по плану Петра, имѣла въ прошломъ столѣтіи значительное, хотя до сихъ поръ еще недовольно оцѣненное вліяніе на успѣхи просвѣщенія въ Россіи. Она выражалась не въ однихъ ученыхъ трудахъ. Академическая гимназія, существовавшая до 1803 года, воспитала подъ управленіемъ ректоровъ, подобныхъ Байеру, Ломоносову и Лепехину, замѣчательныхъ государственныхъ мужей, ученыхъ и педагоговъ. Академическій университетъ, закрытый въ 1766 году, дополнялъ собою кругъ педагогической дѣятельности Академиковъ. Конечно къ этимъ заведеніямъ нельзя прилагать мѣрки нынѣшнихъ однородныхъ съ ними заведеній; но не забудемъ, что они были учреждены въ то время, когда окружающая ихъ среда представляла еще очень мало данныхъ для ихъ развитія; и при всемъ томъ эти заведенія принесли, по времени, полезные и ощутительные плоды. Упомянемъ между

прочимъ, что однажды пересаженная къ намъ изъ Европы наука, при помощи этихъ заведеній, постепенно болѣе и болѣе принималась на нашей родной почвѣ. Такъ, не далѣе какъ черезъ 8 лѣтъ послѣ открытія Академіи, въ нее уже вступилъ, въ качествѣ адъюнкта (въ 1733), первый изъ русскихъ питомецъ академической гимназіи, В. Адодуровъ, бывшій впослѣдствіи кураторомъ Московскаго Университета; вскорѣ за тѣмъ, а именно въ 1742 года, введены въ Академію съ званіемъ адъюнктовъ Тепловъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ на иномъ поприщѣ, и славный Ломоносовъ. Послѣ этого и до начала нынѣшняго столѣтія вступили въ Академію: въ 1745 г. Тредьяковскій и Крашенинниковъ, профессоръ ботаники, составившій столь извѣстное описаніе Камчатки; въ 1748 г. Поповъ—астрономъ; въ 1751 г. Протасовъ — анатомъ, и Котельниковъ — математикъ; въ 1754 г. Румовскій — астрономъ, бывшій въ послѣдствіи вице-президентомъ Академіи и попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа; въ 1768 г. Лепехинъ, профессоръ естественной исторіи, и астрономъ Иноходцевъ; въ 1776 г. Головинъ, адъюнктъ по части физики; въ 1779 г. Озерецковскій и Зуевъ, принесшіе особенную пользу наукѣ своими путешествіями по Россіи; въ 1783 Соколовъ — химикъ; въ 1789 Кононовъ — математикъ, и минералогъ Севергинъ; въ 1790 Захаровъ—химикъ; въ 1796 математикъ Гурьевъ и наконецъ въ 1799 году Севастьяновъ—по естественной исторіи. Имена этихъ Русскихъ возбуждаютъ воспоминаніе о цѣломъ рядѣ полезныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ наукъ, большая же часть этихъ ученыхъ обязана своимъ научнымъ образованіемъ Академіи.

Независимо отъ педагогической дѣятельности, Академія принимала весьма значительное участіе въ распространеніи у насъ просвѣщенія посредствомъ общедоступныхъ сочиненій и періодическихъ изданій. Притомъ, съ какими трудностями приходилось здѣсь бороться! Нужно было и создавать языкъ для выраженія понятій науки, и заохочивать мало-образованное общество къ серіозному чтенію и умственному труду, даже устроивать типографское дѣло, такъ какъ до заведенія при Академіи типографіи, въ Петербургѣ не было возможности печатать книги ученаго содержанія; наконецъ Академія должна была у себя завести цѣлое гравировальное заведеніе, для изготовленія чертежей и рисунковъ къ издаваемымъ ею сочиненіямъ. Нужно было даже завести свою переплетную и свою книжную лавку, по неразвитости въ то время книжной торговли въ столицѣ. Когда со-временемъ будетъ составлено полное библіографическое обозрѣніе ученыхъ трудовъ и учебныхъ, общезанимательныхъ и литературныхъ изданій Академіи въ прошломъ столѣтіи, то многихъ конечно изумитъ огромная масса изданнаго Академіею на русскомъ языкѣ: тутъ есть и чисто ученыя сочиненія, какъ *Краткое описаніе комментаріевъ Академіи (1728)*, *Содержаніе ученыхъ разсужденій* (4 тома съ 1748 по 1754 г.); тутъ есть и календари, и политическая газета *(С.-Петербургскія вѣдомости)*, редакціею которыхъ завѣдывали Академики; есть и *Ежемѣсячныя сочиненія* (съ 1755 по 1764 г., 20 томовъ) первый на русскомъ языкѣ общеполезный энциклопедическій журналъ, издававшійся по предложенію и подъ редакціею Миллера, при сотрудничествѣ нѣсколькихъ Академиковъ; въ президенство княгини Дашковой являются и чисто литературныя изданія: какъ *Россійскій Өеатръ* (1786—1794 г., 43 части) и *Собесѣдникъ Любителей*

Россійскаго Слова (1783—1794, 16 частей) а по прекращеніи этого журнала возобновлено подъ заглавіемъ: *Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненій* (1786—1796, 121 часть или 20 томовъ) изданіе такого журнала, который имѣлъ цѣлью распространять общеполезныя знанія въ кругу читателей, недостаточно приготовленныхъ къ тому, чтобы черпать ихъ такъ сказать изъ первыхъ рукъ, т. е. непосредственно изъ спеціально ученыхъ сочиненій. Наконецъ этой цѣли соотвѣтствовало изданіе Академіей большаго числа переводовъ на русскій языкъ какъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, являвшихся въ то время на разныхъ европейскихъ языкахъ, такъ и многихъ писателей классической древности. Масса знаній и понятій, пущенныхъ такимъ путемъ въ ходъ въ русскомъ обществѣ, огромна. Кромѣ того нельзя не вспомнить, что все это дѣлалось въ то время, когда ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, общество, по малому развитію образованія, не представляло еще для подобныхъ предпріятій той поддержки, какую оно представляетъ теперь, и когда поэтому осуществленіе ихъ могло быть дѣломъ только такого правительственнаго учрежденія, какъ Академія, которая, съ интелектуальными средствами соединяла и средства вещественныя, нужныя для издательскихъ предпріятій. Съ этой точки зрѣнія Академія своими популярными изданіями прошлаго столѣтія приготовила пути для послѣдующихъ дѣятелей, и продолжала этого рода дѣятельность, пока общество не созрѣло на столько, что само могло взяться за дѣло.

Но какъ ни велика была польза, принесенная Академіею русскому просвѣщенію педагогическою и учено-литературною дѣятельностію, однако гораздо большее значеніе для Россіи имѣли труды Академіи по главной существенной части ея обязанностей, въ которой заключается настоящее ея назначеніе и которая состоитъ въ расширеніи предѣловъ человѣческаго знанія и въ обогащеніи науки новыми изслѣдованіями. Исторія почти всѣхъ наукъ въ Россіи начинается только съ учрежденія Академіи; этого мало — въ теченіе долгаго времени вся ученая дѣятельность въ нашемъ отечествѣ сосредоточивалась почти исключительно въ Академіи, изъ которой потомъ, при успѣхахъ общаго образованія и развитіи высшихъ учебныхъ заведеній, она постепенно стала распространяться въ болѣе обширныхъ кругахъ общества. Предѣлы нынѣшней бесѣды нашей не позволяютъ представить даже краткій, но сколько нибудь полный обзоръ цѣлаго ряда открытій и изысканій, которыми Академія обогатила разныя отрасли наукъ и снискала себѣ общее уваженіе въ ученомъ мірѣ. Ограничусь указаніемъ лишь на тѣ ученые труды Академіи, которые имѣли особенное вліяніе на успѣхи наукъ въ нашемъ отечествѣ или же имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ нему, и для которыхъ предметомъ служитъ сама Россія, раскрытіе ея естественныхъ богатствъ, ея исторія и древности, ея этнографія и многочисленные языки подвластныхъ Россійскому скипетру народовъ.

Прошедшее столѣтіе, особенно въ первой половинѣ, было эпохою важныхъ открытій въ области математическихъ наукъ, и наша Академія имѣла въ этихъ открытіяхъ значительное участіе, доставившее ей, съ первыхъ же поръ ея существованія, громкую извѣстность въ ряду первенствующихъ ученыхъ учрежденій Европы. Эту славу пріобрѣли Академіи знаменитые математики, имена которыхъ красуются въ числѣ первыхъ ея членовъ. Ихъ успѣ-

хамъ и славѣ мы должны кромѣ того приписать то обстоятельство, что изъ всѣхъ наукъ, можетъ быть, ни одна не привилась въ Россіи такъ прочно, какъ математика. Ученики первыхъ Академиковъ, воодушевленные ихъ примѣромъ и усвоивъ себѣ ихъ выводы и остроумные пріемы, сами явились замѣчательными двигателями науки и главнымъ образомъ способствовали къ образованію у насъ цѣлой школы математиковъ, которые, трудясь на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности, приносили пользу государству. Стоитъ только вспомнить, что во всѣхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы, въ которыхъ читается высшая математика, преподавателями этого предмета были Академики, или ихъ ученики, или же лица, образовавшіяся въ ихъ школѣ. Можно смѣло сказать, что и нынѣ большая часть нашихъ спеціалистовъ: инженеры, механики, кораблестроители, моряки, геодезисты и пр., обязаны своимъ математическимъ образованіемъ преимущественно тѣмъ ученымъ, которыхъ Академія считала и теперь считаетъ въ средѣ своихъ членовъ.

Академія, въ первое время своего существованія, была, какъ мы сказали, ученымъ и вмѣстѣ учебнымъ заведеніемъ. Поэтому легко себѣ представить, какую пользу для образованія у насъ математиковъ можно было ожидать отъ такихъ ученыхъ, каковы были Германъ и два брата Николай и Даніилъ Бернулли, вступившіе въ Академію въ числѣ первыхъ ея членовъ. Всѣ трое принадлежали къ числу лучшихъ математиковъ своего времени, хотя только одинъ изъ нихъ, Даніилъ Бернулли, увѣковѣчилъ свое имя важными открытіями, почти сравнявшими его съ безсмертнымъ отцомъ его, Иваномъ Бернулли, знаменитѣйшимъ геометромъ XVIII вѣка. Но Россія была еще такъ недостаточно приготовлена къ принятію науки, что нашлось весьма мало желавшихъ пользоваться наставленіями этихъ даровитыхъ ученыхъ. Имъ оставалось довольствоваться чисто-ученою дѣятельностію, слѣдами которой осталось, въ первыхъ томахъ академическихъ изданій, нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій. Впрочемъ Германъ написалъ также руководство элементарной математики, для юнаго императора Петра II.

Истиннымъ основателемъ нашей математической школы надо считать Леонарда Эйлера, который, въ продолженіе послѣдней половины прошлаго столѣтія, составлялъ славу и гордость Академіи. Его безсмертныя заслуги въ отношеніи развитія почти всѣхъ отраслей математики, а равно и польза, оказанная имъ успѣхамъ у насъ этой науки, заставляютъ остановиться при его имени нѣсколько долѣе.

Въ исторіи наукъ нѣтъ примѣра генія, болѣе плодотворнаго, чѣмъ Эйлеръ. Ему принадлежитъ большая часть открытій, которыми обогатились математическія науки въ прошедшемъ столѣтіи. Всѣ отрасли математическаго анализа и многочисленныя его приложенія болѣе или менѣе обязаны Эйлеру своимъ усовершенствованіемъ. Число его сочиненій простирается до изумительной цифры 756. Важнѣйшія изъ нихъ и наиболѣе обширныя изданы нашею Академіею. Его мемуары печатались въ нашихъ изданіяхъ непрерывно, не только при жизни автора, но и долго еще послѣ его смерти, такъ что въ теченіе цѣлаго столѣтія имя Эйлера украшало наши записки и дало имъ то важное значеніе въ математической литературѣ, которое онѣ пріобрѣли въ прошедшемъ столѣтіи и которое всегда удержатъ за собою, какъ хранилище великихъ математическихъ открытій.

Эйлеръ вообще способствовалъ распространенію аналитическихъ методовъ во всѣхъ математическихъ изслѣдованіяхъ, и чрезъ то къ вытѣсненію тѣхъ тяжелыхъ, основанныхъ на одностороннихъ геометрическихъ соображеніяхъ, методовъ, которые были употребляемы древними. Въ высшей алгебрѣ онъ раскрылъ много новыхъ свойствъ уравненій; высшую геометрію обогатилъ многочисленными приложеніями анализа къ изслѣдованію кривыхъ линій и поверхностей, и развилъ теорію тригонометрическихъ, круговыхъ и логариѳмическихъ функцій. Изъ теоріи чиселъ, находившейся до него только въ зародышѣ, онъ создалъ науку. Дифференціальное и интегральное исчисленіе въ рукахъ Эйлера сдѣлалось могущественнымъ орудіемъ математическихъ изысканій. Интегральное исчисленіе онъ привелъ въ систему и обогатилъ множествомъ новыхъ способовъ интегрированія, послужившихъ основаніемъ тѣхъ блистательныхъ изслѣдованій Якоби и Абеля, которыми ознаменовано текущее столѣтіе. Онъ обобщилъ способъ варіяцій, возникшій въ рѣшеніяхъ изопериметрическихъ вопросовъ, и тѣмъ далъ начало новому исчисленію; потомъ, когда Лагранжъ усовершенствовалъ варіяціонное исчисленіе, давъ для опредѣленія варіяцій однообразный методъ, Эйлеръ развилъ этотъ методъ.

Не менѣе важны заслуги этого ученаго и въ теоретической астрономіи. Онъ первый предложилъ способъ опредѣлять неравенства въ движеніи планетъ на основаніи закона всеобщаго тяготѣнія. Его изслѣдованія движеній Юпитера и Сатурна представляютъ трудъ совершенно оригинальный; мы встрѣчаемъ здѣсь, ранѣе чѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ, опытъ теоретическаго вычисленія измѣненій планетныхъ орбитъ; здѣсь же содержится капитальное открытіе, развитіе котораго дало послѣдующимъ геометрамъ возможность объяснить устойчивость нашей планетной системы, а именно доказательство того, что эксцентрицитеты и большія оси орбитъ Нептуна и Сатурна подлежатъ только постепеннымъ періодическимъ перемѣнамъ и, по истеченіи долгихъ промежутковъ времени, снова возстановляются въ прежнемъ своемъ положеніи. Свою теорію Эйлеръ приложилъ къ земной орбитѣ. Столь же успѣшны были изслѣдованія нашего Академика надъ теоріею движенія луны; ему удалось пролить новый свѣтъ на эту запутанную теорію, и его изысканія объ этомъ предметѣ впослѣдствіи дали возможность гетингенскому астроному Тобіасу Майеру составить таблицы движеній нашего спутника, принесшія большую пользу мореплаванію и географіи. Вообще многочисленныя и существенныя усовершенствованія, которыя сдѣлалъ Эйлеръ въ способахъ анализа, привели его къ важнымъ открытіямъ въ разныхъ отрасляхъ небесной механики и облегчили другимъ ученымъ путь къ новымъ изысканіямъ по этой наукѣ. Пропуская другіе менѣе важные труды Эйлера въ области астрономіи, укажемъ на его заслуги въ практическомъ примѣненіи добытыхъ имъ математическихъ истинъ. Подчинивъ анализу раціональную механику и умноживъ ее новыми теоріями, онъ приложилъ ее къ вопросамъ астрономіи, а также къ рѣшенію вопросовъ физики, артиллеріи и другихъ практическихъ знаній. Самымъ важнымъ трудомъ Эйлера въ этомъ отношеніи было усовершенствованіе правилъ кораблестроенія и кораблеуправленія, которыя онъ основалъ на строгихъ началахъ геометріи и механики. Сочиненіе его объ этомъ предметѣ *(Théorie complète de la construction et de la*

manoeuvre des vaisseaux) было предназначено для обученія русскаго юношества, готовящагося къ морской службѣ; однако это руководство вошло въ употребленіе и за-границею: оно было принято для французскихъ морскихъ школъ, и Эйлеръ получилъ отъ короля награду въ 6000 ливровъ, «за ту пользу, которую принесли его многочисленныя открытія какъ Франціи, такъ и другимъ просвѣщеннымъ странамъ».

Въ оптикѣ Эйлеръ усовершенствовалъ во многихъ отношеніяхъ теорію зрительныхъ трубъ и сдѣлалъ первый шагъ къ рѣшенію важнаго вопроса объ ахроматизмѣ оптическихъ стеколъ. Всего замѣчательнѣе, что этимъ предметомъ онъ занялся уже тогда, когда, вслѣдствіе болѣзни и усиленныхъ трудовъ, утратилъ зрѣніе. Такимъ образомъ *слѣпой* математикъ заботился объ усовершенствованіи *зрительныхъ* приборовъ — примѣръ безкорыстной привязанности къ научнымъ изысканіямъ.

Къ трудамъ Эйлера, направленнымъ къ практической цѣли, должно также отнести его сочиненія о составленіи географическихъ картъ. Эти труды, а также личныя наставленія великаго математика принесли въ свое время огромную пользу русскимъ ученымъ и производству географическихъ работъ въ Россіи.

Занятія вопросами высшей математики и ихъ практическими примѣненіями не препятствовали Эйлеру находить время и для составленія учебниковъ. Онъ написалъ элементарныя руководства къ ариѳметикѣ и къ алгебрѣ, которыя навсегда останутся образцовыми по ясности и простотѣ изложенія. Они были переведены на русскій языкъ и вошли у насъ въ общее употребленіе. Ариѳметика была переведена адъюнктомъ Академіи Адодуровымъ, а Алгебра явилась сперва въ переводѣ адъюнкта Иноходцева и студента Юдина, а потомъ вновь переведена адъюнктомъ Висковатовымъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ Эйлера и чрезъ чтеніе его твореній образовалось нѣсколько замѣчательныхъ русскихъ геометровъ, которые своими сочиненіями и преподаваніемъ содѣйствовали водворенію математическихъ наукъ въ Россіи. Таковы были Адодуровъ, Кононовъ, Иноходцевъ, Котельниковъ и др. Всѣ они получили свое воспитаніе въ Академіи.

Потеря зрѣнія заставила Эйлера подъ конецъ жизни прибѣгать къ посторонней помощи при вычисленіяхъ и при редакціи сочиненій. Эту помощь оказывали ему: сынъ его Іоаннъ-Альбертъ, и нѣкоторые другіе академики: Крафтъ, Лексель, Головинъ, а въ особенности Н. Фуссъ, вызванный для этого самимъ Эйлеромъ. Н. Фуссъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность и самостоятельными учеными трудами; но въ особенности наша педагогика обязана ему нѣсколькими прекрасными руководствами къ изученію основаній математики: алгебры, геометріи, приложенія алгебры къ геометріи, тригонометріи, коническихъ сѣченій и дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Эти учебники, изданные авторомъ на русскомъ языкѣ, замѣчательны даже и въ наше время, по простотѣ и ясности изложенія; они употреблялись въ нашихъ гимназіяхъ и корпусахъ до 1830 года.

Почти одновременно съ Н. Фуссомъ, въ числѣ членовъ Академіи состоялъ С. Гурьевъ. Онъ былъ большимъ почитателемъ древнихъ геометровъ, старался имъ подражать въ строгости элементарныхъ доказательствъ и предпочиталъ разъясненіе истинъ уже извѣстныхъ

изысканію новыхъ. Поэтому, не пользуясь славою какъ ученый, онъ преимуществено извѣстенъ какъ отличный и опытный преподаватель. Имъ издано также нѣсколько уважаемыхъ въ свое время руководствъ по различнымъ частямъ математики.

Въ 1814 году вступилъ въ Академію изъ числа ея элевовъ Э. Коллинсъ. Своимъ математическимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ Н. Фуссу, а потому его должно считать продолжателемъ школы, основанной Эйлеромъ. Статьи этого математика, помѣщенныя въ нашихъ изданіяхъ, имѣютъ предметомъ развитіе разныхъ частей высшаго анализа. Кромѣ того имъ составлены руководства къ алгебрѣ и геометріи для употребленія въ здѣшнемъ Петропавловскомъ училищѣ, въ которомъ онъ долгое время состоялъ директоромъ. Его отличныя преподавательскія способности доставили ему счастіе быть наставникомъ Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и другихъ особъ Высочайшаго семейства.

Академикъ Остроградскій пріобрѣлъ себѣ почетное мѣсто въ ряду европейски-извѣстныхъ геометровъ многими трудами, которыми онъ существенно обогатилъ разныя отрасли математики. Въ особенности же важны труды его по аналитической механикѣ и по варіяціонному исчисленію; онъ уяснилъ и развилъ во многихъ отношеніяхъ начала динамики, вывелъ съ бóльшею, чѣмъ прежде, строгостію и общностію уравненія движенія системъ и далъ общую теорію удара. Интегрированіе общихъ уравненій динамики обязано Остроградскому весьма важными улучшеніями, которыя онъ предложилъ въ пространномъ мемуарѣ объ изопериметрахъ. Кромѣ того, въ варіяціонномъ исчисленіи онъ сдѣлалъ для многократныхъ интеграловъ то, что до него Эйлеръ, Лагранжъ, и другіе могли сдѣлать только для простыхъ и двукратныхъ интеграловъ. Ему также обязана замѣчательными приращеніями теорія распространенія волнъ и математическая теорія теплоты. Независимо отъ академическихъ трудовъ, Остроградскій оказалъ важныя услуги математическому образованію въ Россіи, занимаясь долгое время преподаваніемъ математики въ высшихъ гражданскихъ и военныхъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Нѣсколько поколѣній моряковъ, артиллеристовъ, инженеровъ и педагоговъ обязаны ему основательностію пріобрѣтенныхъ ими математическихъ познаній, а многіе изъ его учениковъ уже и сами, въ свою очередь, успѣли заслужить себѣ почетную извѣстность, какъ преподаватели и профессоры математики.

Слѣдуя хронологическому порядку, я бы долженъ былъ указать и на заслуги, оказанныя наукѣ тѣми изъ моихъ сочленовъ, которыхъ Академія съ гордостію видитъ и теперь въ своихъ рядахъ. Но такъ какъ исчисленіе ихъ трудовъ составляетъ предметъ годичныхъ отчетовъ, читаемыхъ передъ публикою, то я ограничусь здѣсь лишь общими чертами, и позволю себѣ только замѣтить, что разныя части высшей математики, и въ особенности теорія чиселъ, интегральное исчисленіе, аналитическая механика и математическая физика обязаны В. Я. Буняковскому, П. Л. Чебышеву и О. И. Сомову многими и существенными обогащеніями. Кромѣ того не забудемъ и услуги, оказанной ими отечественному образованію тѣмъ, что ихъ трудами столь важныя отрасли математики, какъ теорія чиселъ, эллиптическія функціи и теорія вѣроятности, впервые водворены у насъ и получили, такъ сказать, право граждан-

ства чрезъ университетское преподаваніе. Дѣятельность нашихъ математиковъ служитъ новымъ подтвержденіемъ той старинной истины, что новые матеріалы для усовершенствованія университетскихъ чтеній заготовляются въ академическихъ мемуарахъ, и что какъ бы ни былъ ограниченъ кругъ читателей, которые, по своей подготовкѣ, въ состояніи непосредственно пользоваться такими мемуарами, плоды добытые этими трудами, переходя затѣмъ въ лекціи профессора, дѣлаются черезъ то достояніемъ обширнаго круга слушателей и распространяются во всей массѣ учащагося поколѣнія.

Обратимся теперь къ трудамъ Академіи по части *астрономіи*, которой мы уже отчасти и коснулись, исчисляя заслуги Эйлера. Выгоды, доставляемыя этою наукою географіи и мореплаванію, обратили на себя вниманіе Петра Великаго, и онъ далъ ей мѣсто въ числѣ предметовъ, входившихъ въ програму задуманной имъ Академіи, а для производства астрономическихъ наблюденій онъ полагалъ учредить при ней обсерваторію. Предположенія Петра были исполнены его преемниками. Согласно съ понятіями большей части астрономовъ конца XVII и начала XVIII вѣка, нашу обсерваторію расположили въ высокой башнѣ, построенной надъ зданіемъ Академіи. Она находится тамъ и понынѣ, хотя зданіе и подвергалось въ послѣдствіи разнымъ перестройкамъ. Устройство этой обсерваторіи съ теченіемъ времени оказалось неудовлетворительнымъ; но если обратить вниманіе на несовершенство практической астрономіи 140 лѣтъ тому назадъ, а также на то, что для нашей обсерваторіи были выписываемы дорогіе инструменты, считавшіеся въ свое время превосходнѣйшими, то не покажется удивительнымъ, что она нѣкогда считалась одною изъ лучшихъ обсерваторій въ Европѣ.

Первый астрономъ Академіи, Іосифъ Делиль, былъ отличный наблюдатель, занимался исторіею избранной имъ науки, и своими сочиненіями способствовалъ ея успѣхамъ. Подъ его руководствомъ образовались хорошіе русскіе наблюдатели, которые заняли почетное мѣсто въ лѣтописяхъ науки. Онъ предложилъ особый, извѣстный до сихъ поръ подъ его именемъ, способъ черченія географическихъ картъ, по которому и были составлены первыя карты Россіи. Онъ предлагалъ ввести въ употребленіе способъ опредѣленія географическихъ долготъ помощію наблюденій надъ прохожденіями луны чрезъ меридіанъ. Несовершенство тогдашнихъ переносныхъ астрономическихъ инструментовъ была причиною, что сдѣланная въ то время Делилемъ попытка не вполнѣ удалась; тѣмъ не менѣе этотъ способъ очень хорошъ въ своемъ основаніи и принадлежитъ теперь къ числу наиболѣе употребительныхъ. Въ 1740 г. Делиль совершилъ путешествіе въ Сибирь, въ окрестности Березова и Тобольска, для наблюденія прохожденія Меркурія чрезъ солнце. Хотя главная задача путешествія и не удалась, но поѣздка Делиля принесла значительную пользу: онъ опредѣлилъ географическое положеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, и собралъ многія свѣдѣнія о странахъ, чрезъ которыя лежала его дорога.

Въ первой четверти XVIII вѣка правительство не имѣло еще удовлетворительныхъ географическихъ свѣдѣній о подвластныхъ ему владѣніяхъ. Собираніе всѣхъ этихъ свѣдѣній возлагалось на Академію. Однимъ изъ первыхъ предпріятій Академіи по этой части было составленіе *Атласа Россійской Имперіи*. Оно было завѣщано ей еще Петромъ Великимъ,

который для этой именно цѣли и пригласилъ Делиля изъ Франціи. По указу императрицы Екатерины I онъ долженъ былъ состоять по этому дѣлу въ сношеніяхъ съ секретаремъ Сената И. К. Кириловымъ, которому были подвѣдомы всѣ геодезисты, разосланные для съемокъ въ разныя части Россіи. Впослѣдствіи времени Кириловъ, желая удовлетворить насущной потребности, самъ издалъ отъ себя атласъ Россіи, но весьма неполный и лишенный строго научнаго основанія. Для исполненія сколько-нибудь удовлетворительныхъ картъ государства нужно было прежде всего получить точныя данныя о географическомъ положеніи достаточнаго числа мѣстъ, а на этотъ конецъ потребны были экспедиціи въ разныя части имперіи; впослѣдствіи же времени оказалось нужнымъ учредить при Академіи особый географическій департаментъ. Работами въ немъ управлялъ сначала Делиль, а потомъ знаменитый Эйлеръ, который представилъ свой планъ для скорѣйшаго довершенія атласа. Но когда послѣдній, отчасти вслѣдствіе напряженныхъ своихъ занятій по этому дѣлу, лишился зрѣнія, завѣдываніе этимъ департаментомъ поручено было профессору Гейнзіусу, который и привелъ къ концу атласъ Россіи въ 1745 году *).

Чтобы оцѣнить услугу, оказанную Академіей изданіемъ этого атласа, надо вспомнить, что до того времени не только не имѣлось сколько-нибудь порядочной карты Имперіи, но даже не знали хорошо географической широты и долготы ни одного города въ Россіи. Выборъ инструментовъ, подготовленіе наблюдателей и вычисленіе наблюденій, даже второстепенныя топографическія работы, пріисканіе граверовъ и надзоръ за черченіемъ картъ — все это должны были принять на себя Академики, ибо безъ нихъ некому было взяться за это дѣло.

Мы уже упомянули о путешествіи Делиля въ Сибирь. Въ царствованіе Анны Іоановны была послана туда другая экспедиція для описанія этой страны и въ особенности Камчатки. Еще и понынѣ не утратили своего значенія матеріалы, собранные участниками этой экспедиціи, особенно неутомимымъ и искуснымъ наблюдателемъ, Красильниковымъ, впослѣдствіи адъюнктомъ Академіи.

Бывшее въ 1769 году прохожденіе Венеры чрезъ солнце дало поводъ къ отправленію въ разныя мѣста Европейской и Азіатской Россіи ученыхъ для наблюденія этого явленія, которое имѣло чрезвычайное значеніе для практической астрономіи какъ по своей рѣдкости, такъ и по той выгодѣ, которую оно представляло для опредѣленія удаленія земли отъ солнца, главной единицы небесныхъ разстояній. Двѣнадцать наблюдателей, назначенныхъ Академіею и снабженныхъ всѣми необходимыми инструментами, совершили поѣздки въ разные концы государства. Независимо отъ наблюденій, относящихся къ прямой цѣли ихъ путешествій, они опредѣлили географическое положеніе нѣсколькихъ отдаленныхъ городовъ и собрали

*) Въ архивахъ Академіи хранились обильные матеріалы, относящіеся къ составленію какъ этого атласа, такъ и Кириловскаго, шедшаго въ параллель съ академическимъ. Они нынѣ собраны исправляющимъ должность архиваріуса конференціи, К. Ѳ. Свенске, въ числѣ 140 документовъ, и къ нимъ приложена особая статья о ходѣ работъ по этому дѣлу. Въ числѣ этихъ документовъ имѣется между прочимъ вся переписка Делиля, Шумахера и президента Академіи, Іоганна Альбрехта фонъ Корфа съ И. К. Кириловымъ, проливающая много свѣта на характеръ и дѣятельность этого достопримѣчательнаго лица, вышедшаго изъ школы великаго Преобразователя Россіи. Трудъ г. Свенске печатается нынѣ въ Запискахъ Академіи.

большое количество новыхъ географическихъ данныхъ. Послѣдующія путешествія мало по малу увеличили запасъ такихъ данныхъ, такъ что къ концу прошлаго столѣтія число пунктовъ, опредѣленныхъ стараніями Академіи по долготѣ и широтѣ, простиралось до 67. Чтобы судить о значительности трудовъ, которые были нужны для достиженія этого результата, должно вспомнить, что прежніе способы наблюденій были весьма неудобны сравнительно съ нынѣшними, а тогдашніе инструменты по ихъ устройству и громадности были очень затруднительны для перевозки, установки и повѣрки, и сверхъ того заключали въ себѣ недостатки, которые могли быть приблизительно устранены только при помощи особенныхъ, продолжительныхъ изслѣдованій. При всемъ томъ, въ другихъ странахъ Европы за тотъ же періодъ времени было сдѣлано менѣе географическихъ опредѣленій, чѣмъ въ Россіи *).

Шубертъ, вступившій въ Академію въ 1789 году, съ успѣхомъ обработывалъ самыя трудныя части астрономіи; его вычисленія неравенствъ въ движеніяхъ планетъ Марса и Урана, его разсужденіе объ Эйлеровой теоріи движенія луны, о географическихъ картахъ и о разныхъ предметахъ практической астрономіи, показали силу его таланта и постоянное стремленіе его къ усовершенствованію избранной имъ науки. Изданный имъ курсъ теоретической астрономіи заслужилъ одобреніе знатоковъ дѣла, а популярныя его статьи были въ началѣ нашего вѣка любимымъ чтеніемъ образованнаго общества. Напечатанное имъ на русскомъ языкѣ руководство къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ принесло большую пользу нашимъ офицерамъ Генеральнаго Штаба и всѣмъ лицамъ, занимавшимся у насъ подобными работами. Самъ Шубертъ произвелъ нѣсколько такихъ опредѣленій во время путешествія изъ С.-Петербурга въ Иркутскъ съ посольствомъ гр. Головкина.

Все, что сказано нами доселѣ въ отношеніи успѣховъ русской картографіи, не можетъ идти въ сравненіе съ трудами Вишневскаго, вступившаго въ число членовъ Академіи въ 1804 году. Хотя въ началѣ царствованія Императора Александра I съемки и географическія работы были возложены на офицеровъ Генеральнаго Штаба, однако войны съ Франціею вскорѣ отвлекли ихъ отъ этихъ занятій и продолженіе такихъ работъ было снова поручено Академіи. Съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію, Вишневскій былъ отправленъ въ разныя губерніи Европейской Россіи. Во время своихъ путешествій, продолжавшихся съ

---

*) Разсматривая степень точности, которой достигли наши астрономы XVIII столѣтія, видимъ, что разности между прежними и новѣйшими опредѣленіями широтъ вообще незначительны и преимущественно зависятъ отъ неизвѣстности, къ какому въ городѣ пункту относятся прежнія опредѣленія. Погрѣшности географическихъ долготъ достигаютъ до 8 минутъ въ дугѣ (или 32 секундъ во времени); по несовершенству средствъ и способовъ наблюденій въ XVIII вѣкѣ было бы невозможно требовать большей точности. Искусствомъ въ наблюденіяхъ особенно отличались въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія Иноходцевъ и Исленьевъ. Воспользовавшись наставленіями Эйлера и Лекселя, Исленьевъ по возможности старался не упускать случая наблюдать затменія солнца и покрытія звѣздъ луною, а потому найденныя имъ долготы нѣкоторыхъ мѣстъ особенно замѣчательны по ихъ благонадежности. Точность изслѣдованныхъ имъ широтъ достойна удивленія; стараніе и обдуманность, съ какими онъ производилъ повѣрку своихъ инструментовъ, а также предосторожности, которыя принималъ всегда при перевозкѣ инструментовъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ что если бы вычислить наблюденія Исленьева, пользуясь болѣе вѣрными положеніями звѣздъ, нежели какія прежде были извѣстны, то въ выводахъ широтъ не оказалось бы погрѣшностей болѣе 2 или 3 секундъ.

1805 по 1815 годъ, онъ опредѣлилъ положеніе около 300 различныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ по всему пространству Европейской Россіи. Выводы изъ этихъ наблюденій дали Военно-Топографическому Депо возможность значительно улучшить карты Россіи. Не одна обширность, но также достоинство этого труда, по его точности, заслуживаютъ особеннаго вниманія; въ этомъ отношеніи Вишневскій далеко превзошелъ всё то, что до него было сдѣлано, и даже то, чего можно было бы ожидать при средствахъ, которыя были въ его распоряженіи.

Новый и наиболѣе блистательный періодъ астрономической дѣятельности нашей Академіи начинается съ того времени, когда въ ея члены былъ избранъ В. Я. Струве. Онъ прославился уже и прежде трудами, которые совершилъ въ Дерптской обсерваторіи. Составленная тамъ роспись положеній главныхъ звѣздъ, изысканія его объ астрономическомъ преломленіи, измѣреніе градусовъ меридіана въ нашихъ Балтійскихъ губерніяхъ, многія наблюденія солнца, луны, планетъ и кометъ, въ особенности же обширныя и точныя изслѣдованія, относящіяся къ двойнымъ звѣздамъ, утвердили за В. Я. Струве извѣстность одного изъ первыхъ астрономовъ нынѣшняго вѣка. Въ то самое время наша Академія сознавала всю неудовлетворительность устройства старой своей обсерваторіи и инструментовъ, пріобрѣтенныхъ въ прежнее время. Между тѣмъ утверждая новые штаты Дерптской обсерваторіи, Императоръ Николай Павловичъ выразилъ свое соизволеніе на учрежденіе въ окрестностяхъ Петербурга главной въ Россіи обсерваторіи и указалъ на Пулковскую возвышенность, какъ на приличнѣйшее мѣсто для подобнаго заведенія, которое въ ученомъ отношеніи должно было находиться въ ближайшей связи съ Академіею Наукъ. Щедроты Государя Императора дали средства воздвигнуть великолѣпнѣйшую обсерваторію, которая, по своему устройству и обилію превосходныхъ инструментовъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между существующими нынѣ обсерваторіями. При самомъ ея основаніи, въ 1834 году, въ директоры ея былъ назначенъ В. Я. Струве и на него возложены были всѣ попеченія о построеніи обсерваторіи и снабженіи ея инструментами, сообразно съ современными требованіями науки. Всѣмъ извѣстно, сколь успѣшно исполнилъ онъ это порученіе; ни одного инструмента не оставилъ В. Я. Струве безъ улучшенія, нѣкоторые же устроены на новыхъ началахъ, которыя приводятъ къ большей точности. Знаменитѣйшіе ученые пріѣзжали изъ разныхъ странъ осматривать этотъ образцовый памятникъ наукъ, и всѣ согласны въ его великомъ значеніи для дальнѣйшаго усовершенствованія астрономіи.

Съ неутомимою дѣятельностію болѣе 20 лѣтъ управлялъ В. Я. Струве нашею Главною Обсерваторіею. Изъ собственныхъ наблюденій онъ вывелъ постоянное число, отъ котораго зависитъ аберрація звѣздъ, съ большею точностію, нежели прежде было извѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ матеріалы, помощію которыхъ можно весьма благонадежно опредѣлить колебаніе земной оси, или нутацію. Любопытныя его изслѣдованія о млечномъ пути и вообще о распредѣленіи звѣздъ простыхъ и сложныхъ въ небесныхъ пространствахъ касаются самыхъ трудныхъ въ наукѣ вопросовъ и возбудили общее вниманіе ученыхъ. Богатое собраніе наблюденій, которыя произведены въ Дерптѣ В. Я. Струве, совокупно съ гг. Прейсомъ и Делленомъ, не осталось безъ обработки, которая особенно занимала нашего знаменитаго

астронома; онъ составилъ на этомъ основаніи превосходную роспись положеній звѣздъ, преимущественно двойныхъ; изъ тѣхъ же матеріаловъ, по его предложенію, были вычислены точныя значенія элементовъ, отъ которыхъ зависитъ опредѣленіе истинныхъ положеній звѣздъ помощію видимыхъ, и этимъ удовлетворено одной изъ существенныхъ потребностей астрономіи. По его указанію были наивыгоднѣйшимъ образомъ для успѣховъ науки распредѣляемы занятія между астрономами Пулковской обсерваторіи, и сдѣлано полное обозрѣніе звѣздъ сѣвернаго полушарія отъ 1-й до 7-й величины включительно. Въ то же время онъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла руководилъ большими географическими и геодезическими работами, производившимися для изслѣдованія долготъ разныхъ мѣстъ, въ особенности же для измѣренія градусовъ меридіана, проходящихъ отъ Ледовитаго моря до береговъ Дуная черезъ западный край Россіи. Счастливое окончаніе этого колосальнаго ученаго предпріятія составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ В. Я. Струве, которая на всегда останется памятна въ исторіи наукъ.

Труды членовъ Академіи по физикѣ и химіи составляютъ непрерывный рядъ изысканій, которыя не только содѣйствовали успѣху этихъ наукъ, но и принесли выгоды Россіи тѣмъ, что многіе изъ нихъ повели къ полезнымъ приложеніямъ въ житейскомъ быту, въ промышлености и т. п. Пробѣгая списокъ этихъ членовъ съ основанія Академіи, мы видимъ въ немъ Лейтмана, извѣстнаго своими искусными опытами и полиэдрическими анаморфозами; Брауна, сдѣлавшаго первыя наблюденія надъ замерзаніемъ ртути; Рихмана, который заплатилъ своею жизнью за опыты надъ атмосфѣрнымъ электричествомъ; Эпинуса, изобрѣтателя телескопическаго микроскопа; онъ же открылъ электрическую силу турмалина и написалъ сочиненіе объ электричествѣ и магнетизмѣ, почитавшееся въ свое время классическимъ; Бильфингера, Крафта отца и сына, Петрова, Ловица сына, извѣстнаго открытіемъ противогнилостнаго свойства углей и другими открытіями по части химіи; Геллерта, знаменитаго Ломоносова, Георги, изобрѣтателя опытовъ самовоспламененія; Захарова, Шерера, пріобрѣвшаго извѣстность обширною своею ученостію и сочиненіемъ о минеральныхъ водахъ Россіи; Кирхгофа, сдѣлавшаго первые опыты выдѣлки сахара и водки изъ картофеля и изобрѣвшаго выгодный способъ очищать масло и приготовлять киноварь.

Труды Паррота столь же многочисленны, какъ и обильны практическими приложеніями. Гессъ обогатилъ науку многими любопытными изслѣдованіями; минералогія Россіи обязана ему открытіемъ нѣсколькихъ минераловъ, которыхъ онъ опредѣлилъ и химическій составъ; наконецъ онъ пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе какъ профессоръ, и отличные ученики, которыхъ онъ образовалъ, содѣйствовали въ свою очередь успѣху науки, занимая достойнымъ образомъ профессорскія мѣста въ нашихъ университетахъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Его курсъ химіи, выдержавшій значительное число изданій, былъ долгое время лучшимъ у насъ учебнымъ руководствомъ, и замѣчателенъ еще и тѣмъ, что имъ установлена хорошая русская номенклатура, которой дотолѣ не существовало и которую Гессъ выработалъ при содѣйствіи извѣстныхъ русскихъ химиковъ: Соболевскаго, Нечаева и Соловьева.

Труды Купфера, Ленца, Якоби, Фрицше, Зинина не только имѣютъ значеніе въ исторіи науки, но и принесли въ разныхъ случаяхъ непосредственную практическую пользу; изъ нихъ въ видѣ примѣра упомяну объ изслѣдованіяхъ Ленца относительно вентиляціи, примѣнительно къ условіямъ нашего климата — изслѣдованіяхъ, которыя касаются вопроса чрезвычайно важнаго для народнаго здравія и которыя уже привели къ полезнымъ результатамъ, хотя внезапная смерть нашего знаменитаго физика и не позволила ему довести эти изслѣдованія до задуманной имъ полноты.

Счастливое изобрѣтеніе гальванопластики, которымъ Якоби увѣковѣчилъ свое имя, открыло собою, можно сказать, новую эру въ техническихъ примѣненіяхъ гальванизма, и принесло Россіи не только славу, но и пользу въ промышленомъ отношеніи.

Изъ многочисленныхъ трудовъ Купфера, обширныя изслѣдованія его объ упругости металловъ принадлежатъ къ числу такихъ, которыя особенно важны по техническому примѣненію, какое можетъ быть сдѣлано изъ истинъ, добытыхъ строго учеными изысканіями. Но по задачѣ, которая составляетъ цѣль настоящей бесѣды, я долженъ въ особенности упомянуть здѣсь о тѣхъ трудахъ Купфера, которыми онъ положилъ прочное основанія для климатическаго изслѣдованія Россіи.

Какъ заслугу Академіи составляетъ проложеніе первыхъ путей къ ученому изслѣдованію Россіи въ разныхъ отношеніяхъ, точно также и въ отношеніи познанія климата ей же принадлежитъ честь и перваго начала въ учрежденіи метеорологическихъ наблюденій, и первой обработки ихъ согласно требованіямъ науки. До учрежденія Академіи не было собираемо никакихъ данныхъ, служащихъ для изученія нашего климата. Первыя метеорологическія наблюденія были произведены въ Академіи; ими занимались Эйлеръ, Крафтъ, Тархановъ, Вишневскій. Драгоцѣнные запасы наблюденій и замѣтокъ о климатѣ находимъ также въ путешествіяхъ академиковъ по Россіи. Путешествовавшіе въ прошломъ столѣтіи по Сибири — Мессершмидтъ, Гмелинъ, Фишеръ, Палласъ ознакомили тамошнихъ жителей съ употребленіемъ метеорологическихъ инструментовъ. Академикъ Лаксманъ, жившій во многихъ городахъ Сибири, наиболѣе содѣйствовалъ къ распространенію здѣсь физическихъ знаній: учредивши въ Иркутскѣ въ 1784 году первый стеклянный заводъ, онъ подъ своимъ надзоромъ приготовлялъ термометры, которые развозились по городамъ и селеніямъ Иркутской губерніи.

Но всѣ начинанія, сдѣланныя по этой части въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлалъ для климатологіи Россіи академикъ Купферъ. Его стараніямъ мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ теперь обширную и правильную систему метеорологическихъ и магнитныхъ обсерваторій, распредѣленныхъ по всему пространству Россіи и доставляющихъ драгоцѣнныя данныя какъ для изученія свойствъ русскаго климата, такъ и для рѣшенія общихъ вопросовъ физики земнаго шара. Приготовленные въ прежнее время Академіею запасы климатологическихъ данныхъ и несравненно бо̀льшая масса ихъ, доставленная наукѣ Купферомъ, послужили для раскрытія того вліянія, какое

климатъ оказываетъ на растительный міръ и животное царство въ Россіи. Польза, какую подобныя изслѣдованія оказываютъ сельскому хозяйству и промышлености вообще, понятна сама собою.

Нѣтъ ни одной Академіи, которая для познанія *естественныхъ произведеній своей страны* сдѣлала бы столько, сколько наша Академія. Скажу даже болѣе: нѣтъ ни одной Академіи, которую въ этомъ отношеніи можно было бы даже сравнивать съ нашею.

Многочисленныя путешествія и ученыя экспедиціи, снаряженныя Академіею и исполненныя большею частью самими академиками въ разныя части Имперіи, не только въ значительной степени обогатили наши познанія о странѣ и ея жителяхъ, но и имѣли сильное вліяніе на успѣхи многихъ отраслей наукъ. Притомъ нельзя не вспомнить, что многія изъ этихъ путешествій были сопряжены съ большими трудностями, лишеніями, опасностями, и даже стоили нѣсколькихъ человѣческихъ жертвъ. Астрономъ Ловицъ, находясь въ Заволжьи для наблюденій, которыя ему были поручены Академіей, былъ умерщвленъ казаками Пугачева; Гмелинъ младшій умеръ въ плѣну у Лезгинскаго хана Усмея; Гильденштедтъ, попавшій въ плѣнъ къ тому же хану, обязанъ былъ спасеніемъ генералу Медему, пославшему казаковъ для преслѣдованія Лезгинъ; адъюнктъ Черной умеръ въ плѣну у Киргизовъ, а часовщикъ его Арнольдъ только черезъ нѣсколько лѣтъ успѣлъ выкупиться изъ неволи. Незабвенный для насъ Палласъ, который своими путешествіями и сочиненіями столько способствовалъ точнѣйшему познанію Россіи, во время своего послѣдняго путешествія, при изслѣдованіи береговъ одной рѣчки, провалился подъ ледъ, и затѣмъ весь мокрый долженъ былъ ѣхать въ морозъ нѣсколько часовъ до ближайшаго жилища. Это происшествіе имѣло гибельное вліяніе на его здоровье, такъ что и пребываніе въ благодатномъ климатѣ Крыма не могло его поправить: онъ умеръ вслѣдствіе болѣзней, зародыши которыхъ онъ пріобрѣлъ во время своихъ путешествій. Адъюнктъ Редовскій, молодой даровитый ботаникъ, не перенесъ трудностей Сибирскаго путешествія и нашелъ себѣ преждевременную могилу въ Гижигѣ (1807). Академикъ Миддендорфъ можетъ приписать только необыкновенной крѣпости тѣлосложенія то, что онъ, во время своего путешествія въ Таймырской тундрѣ, пролежавъ 18 дней подъ снѣгомъ, не умеръ отъ голода и томившей его лихорадки.

Когда въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны была снаряжаема правительствомъ знаменитая, такъ называемая вторая Камчатская экспедиція, подъ управленіемъ капитана Беринга, Академія присоединила къ ней І. Г. Гмелина, для изслѣдованій по части естественной исторіи, Г. Фр. Миллера—историка, Стеллера, Фишера и Крашенинникова. Главная цѣль экспедиціи—открытіе западнаго берега Сѣверной Америки—достигнута была не вполнѣ; но за то труды ученыхъ, присоединенныхъ къ экспедиціи Академіею, дали чрезвычайно важные плоды. Академикъ Миллеръ объѣхалъ Сибирь для изслѣдованія историческихъ памятниковъ края въ архивахъ городовъ и монастырей. Такъ какъ подлинные документы, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ извлеченія, впослѣдствіи большею частью утратились, то можно сказать, что безъ трудовъ Миллера мы бы въ настоящее время весьма мало знали исторію открытія Сибири, занявшаго собою болѣе полутора вѣка и составляю-

щаго одну изъ блестящихъ страницъ исторіи русскаго народа. I. Г. Гмелинъ далъ первое, нѣсколько подробное описаніе Сибири, сдѣланное съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Впослѣдствіи онъ издалъ свое обширное и классическое сочиненіе, *первую* флору Сибири. Такъ какъ первая флора страны, принадлежащей къ глубокому сѣверу, а именно Лапландіи, была дана Линнеемъ только въ 1732 г., то Россія можетъ гордиться, что ею изслѣдована, вскорѣ послѣ того, флора сѣвернаго края еще гораздо болѣе обширнаго, тогда какъ флора Сѣверной Америки изслѣдована только недавно, уже въ наше время. Плодомъ трудовъ Стеллера было первое описаніе Камчатки и два безсмертныхъ сочиненія: одно о морской коровѣ тѣхъ странъ, нынѣ уже несуществующей, и другое—о морскихъ животныхъ Берингова острова, сочиненіе несравненное, потому что оно есть единственное, въ которомъ описаны эти животныя, прежде чѣмъ они испытали на себѣ вліяніе человѣка. Наконецъ плодомъ этой же экспедиціи было столь извѣстное описаніе Камчатки Крашенинникова.

Царствованію Императрицы Екатерины II принадлежитъ новый, блистательный періодъ ученыхъ путешествій по Россіи, которыя были предпринимаемы Академіею и совершены Палласомъ, Гмелинымъ младшимъ, Гильденштедтомъ, Георги, Фалькомъ, Лепехинымъ, Озерецковскимъ, Зуевымъ. Эти путешествія въ значительной степени превосходятъ предшествовавшія имъ, какъ въ отношеніи обогащенія науки вообще, такъ и въ отношеніи пользы, принесенной ими Россіи. Между натуралистами безспорно признано, что одни путешествія Палласа обогатили естественныя науки болѣе, чѣмъ какое-либо другое до него совершенное путешествіе, и что изъ числа совершенныхъ послѣ того одни лишь путешествія Гумбольдта въ Америку можно поставить наряду съ путешествіями Палласа. Ученыя экспедиціи царствованія Екатерины II не только доставили важныя приращенія для всѣхъ отраслей естествознанія, но и дали матеріалъ для возникновенія новыхъ наукъ. Этнографія не могла сдѣлаться предметомъ ученой обработки до тѣхъ поръ, пока эти путешествія не доставили положительныхъ свѣдѣній о большемъ числѣ народностей, изъ которыхъ однѣ были извѣстны только по разсказамъ мало надежнымъ, и часто даже баснословнымъ, а другія и вовсе были неизвѣстны; этнографическія рисунки, приложенные при описаніи этихъ экспедицій, удостоились потомъ чести безчисленнаго ихъ повторенія въ разнаго рода Европейскихъ изданіяхъ. Зоологическая географія, или наука о распространеніи животныхъ по земному шару, получила начало вслѣдствіе этихъ же путешествій, потому что только съ того времени стало возможнымъ изображать на картахъ распространеніе животныхъ отъ Западной Двины до Камчатки. Что касается палеонтологіи, то общее вниманіе было обращено на нее Палласомъ. Безъ многочисленныхъ и разнообразныхъ, сообщенныхъ имъ, свѣдѣній о костяхъ допотопныхъ животныхъ, найденныхъ въ почвѣ Россіи, Кювье не былъ бы въ состояніи дать этой наукѣ ту ученую форму, которая составила его славу.

Но для Россіи польза этихъ путешествій была еще значительнѣе. Можно положительно сказать, что до нихъ правительство не имѣло вѣрныхъ свѣдѣній о естественныхъ произведеніяхъ страны, о народахъ, ее населяющихъ, и о средствахъ ихъ существованія. Чтобы показать это хоть немногими примѣрами, довольно упомянуть, что о рыболовствѣ на Каспій-

скомъ морѣ и въ устьяхъ Волги, самомъ богатомъ на всемъ свѣтѣ, не было до того времени обстоятельныхъ свѣдѣній ни въ одномъ описаніи или статистикѣ Имперіи. Тогда еще думали, что главное рыболовство производится нѣсколько выше Саратова, а это могло быть справедливо развѣ во времена Герберштейна. Эти путешествія, доставивъ вѣрныя свѣдѣнія о почвѣ страны, о средствахъ, ею представляемыхъ для жизни человѣка, и о томъ, въ какой мѣрѣ извлекаютъ изъ нихъ пользу не только народы, стоящіе на низкой степени развитія, но и русскіе жители сѣвера, юга и внутреннихъ областей Россіи, дали правительству возможность дѣйствовать на развитіе земледѣлія, промысловъ и торговли. Гмелину младшему обязаны мы основательнымъ и подробнымъ описаніемъ рыболовства Каспійскаго моря и устьевъ Волги. Онъ же первый обратилъ вниманіе на множество рыбы изъ семейства осетровъ въ Курѣ. Этимъ извѣстіемъ русскіе съумѣли вскорѣ воспользоваться, такъ что во время послѣдняго путешествія Палласа, въ 1793 году, въ Курѣ уже производилось ими значительное рыболовство. Палласъ, изучая окомъ натуралиста земли, лежащія по рѣкѣ Самарѣ и на которыхъ все населеніе состояло изъ кочевыхъ Татаръ, съ небольшимъ числомъ русскихъ постовъ, заключилъ по дикорастущимъ растеніямъ, что эти земли должны быть очень привольны для земледѣлія. Онъ съ настоятельностію доказывалъ, что полезно было бы завести на этихъ земляхъ поселенія крестьянъ-земледѣльцевъ, и правительство воспользовалось этими совѣтами. Палласъ же обратилъ вниманіе на то, что пчелы не встрѣчались по ту сторону Урала, тогда какъ на западъ отъ хребта эти полезныя насѣкомыя составляли предметъ выгоднаго промысла. Это замѣчаніе подало поводъ къ опытамъ водворенія пчеловодства на востокѣ отъ Урала, и въ наше время производство меда довольно значительно въ Западной Сибири. Лепехинъ и Озерецковскій первые описали рыболовство и ловлю морскихъ животныхъ въ Бѣломъ морѣ и по берегамъ Новой Земли.

И въ нынѣшнемъ столѣтіи Академія пользовалась всѣми представлявшимися случаями для расширенія нашихъ познаній о географіи, физическихъ отношеніяхъ, естественныхъ произведеніяхъ, жителяхъ и производительныхъ силахъ разныхъ частей Имперіи, и для этого то присоединяла своихъ членовъ къ экспедиціямъ, которыя по разнымъ случаямъ были снаряжаемы правительствомъ, то сама снаряжала экспедиціи, когда ея денежныя средства это позволяли. Кромѣ того Академія принимала участіе, въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ нѣкоторыхъ кругосвѣтныхъ нашихъ плаваніяхъ и чрезъ это обогатила науку многими важными данными. Тилезіусъ и Лангсдорфъ сопровождали капитана Крузенштерна въ его путешествіи вокругъ свѣта (1803 — 1806); академикъ Ленцъ участвовалъ во второмъ кругосвѣтномъ путешествіи Коцебу (1823 — 1826); Мертенсъ, Постельсъ и баронъ Китлицъ участвовали (1826 — 1829) въ знаменитомъ кругосвѣтномъ плаваніи моряка, котораго имя равно дорого и русскому флоту и наукѣ, и котораго Академія имѣетъ счастіе видѣть теперь своимъ президентомъ.

Экспедиціи, которыя снаряжала сама Академія, имѣли своимъ предметомъ ближайшее изслѣдованіе разныхъ частей Имперіи: таковы были большая Кавказская экспедиція Купфера, Ленца, Мейера и Менетріэ; экспедиціи Савича, Заблера и Фусса, для опредѣ-

ленія разности уровней Каспійскаго и Чернаго морей; изслѣдованіе Новой Земли и береговъ Лапландіи академикомъ Бэромъ; Сибирское путешествіе Миддендорфа. Эти путешествія столько же обогатили науку, сколько и принесли пользы Россіи. Въ доказательство позволю себѣ упомянуть, что г. Миддендорфъ, во время своего путешествія, между прочимъ впервые проложилъ путь къ познанію края, обратившаго на себя вскорѣ затѣмъ столь оживленное вниманіе; собранныя нашимъ ученымъ свѣдѣнія разъяснили остававшіяся дотолѣ неизвѣстными отношенія между пограничными народами Амурскаго края — отношенія, не вполнѣ согласовавшіяся съ письменными трактатами, на основаніи которыхъ, до этого путешествія, смотрѣли въ Россіи совершенно иными глазами на положеніе и значеніе приАмурья. Извѣстія, привезенныя объ этомъ предметѣ г. Миддендорфомъ, послужили поводомъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя привели ко включенію Амурскаго края въ предѣлы государственной границы Имперіи. Вскорѣ послѣ этого расширенія нашихъ владѣній на востокѣ, Академія не упускала случаевъ для ближайшаго изученія новаго края, столь интереснаго для науки по своему огромному отдаленію отъ Европы, и столь важнаго для Россіи съ точки зрѣнія государственной; благодаря изслѣдованіямъ, которыя были произведены, по порученію Академіи, г. Шренкомъ, по порученію географическаго Общества, г. Радде, и по порученію Императорскаго Ботаническаго Сада, г. Максимовичемъ, естественныя произведенія Амурскаго края уже намъ извѣстны лучше, чѣмъ многихъ другихъ странъ. Эти изслѣдованія нетолько доставили прочную основу для правительственныхъ соображеній о томъ, какую пользу можно извлечь изъ этого вновь пріобрѣтеннаго края для земледѣлія, промышлености и торговли, но и обратили на себя особенное вниманіе въ ученомъ свѣтѣ.

Лучшіе Англійскіе журналы указывали на содѣйствіе Русскаго правительства къ быстрому научному изслѣдованію Амурскаго края, какъ на примѣръ подобнаго рода дѣйствій своему правительству. Недавно основанный и издаваемый первыми учеными Англіи журналъ: The natural history review (1863 г., № 1), представивъ разборъ сочиненій Шренка по части животныхъ, и сочиненія Максимовича по части растительности Амурскаго края, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «Если бы послѣднее возстаніе въ Индіи было успѣшно и кон«чилось изгнаніемъ оттуда Англичанъ, то отъ нашего управленія этимъ краемъ остались «бы только одна или двѣ неоконченныя желѣзныя дороги. Французы не такъ давно владѣютъ «Алжиромъ, а между тѣмъ они уже успѣли для себя и для потомковъ своихъ составить за«логъ тамошняго господства, своимъ Exploration scientifique de l'Algérie. Гораздо замѣча«тельнѣе въ этомъ отношеніи дѣйствія правительства націи, которую часто называютъ вар«варскою, — дѣйствія совершенно противуположныя дѣйствіямъ нашего просвѣщеннаго прави«тельства, которыя могутъ быть поставлены ему въ примѣръ. Еще не много лѣтъ прошло «съ тѣхъ поръ, какъ имя Амура стало впервые извѣстно британскому слуху, и еще такъ не«давно достигла до насъ молва объ успѣхахъ Россіи въ тамошнемъ краѣ. Не смотря на это, «мы уже имѣемъ предъ собою плоды нѣсколькихъ ученыхъ экспедицій, отправленныхъ рус«скимъ правительствомъ для изслѣдованія естественныхъ произведеній новопріобрѣтеннаго «края. Мы вполнѣ увѣрены, что изданіе въ свѣтъ фауны и флоры Амурскаго края будетъ

«*окончательно* выполнено прежде, нежели *начнется* описаніе естественныхъ богатствъ Бри-«танской Индіи».

Исторія ботаники, зоологіи и минералогіи въ Россіи собственно начинается не прежде, какъ съ основанія Академіи, въ которой эти науки въ первую эпоху ея существованія почти исключительно и сосредоточивались. Академія почти тотчасъ послѣ своего открытія заняласъ изслѣдованіемъ естественныхъ произведеній Россіи. Сначала появлялись отдѣльныя описанія нѣкоторыхъ животныхъ и болѣе рѣдкихъ растеній; но уже въ концѣ прошлаго столѣтія академикъ Георги издалъ полное сочиненіе о физической географіи и естественной исторіи Россійской Имперіи. Это сочиненіе все основано на данныхъ, доставленныхъ разными экспедиціями, которыя были снаряжаемы Академіей. Въ то время Палласъ приготовлялъ свое великое твореніе о животныхъ, водящихся въ Россіи, вышедшее въ свѣтъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подъ заглавіемъ Zoographia Rosso-Asiatica, — твореніе не только чрезвычайно важное для Россіи, но и доставившее для науки особенно значительное обогащеніе. Фауны и флоры отдѣльныхъ частей Россіи были почти всѣ обработаны и изданы членами Академіи, какъ напр. фауна Камчатки и островов̀ъ простирающихся между Азіей и Америкой—Стеллеромъ и Крашенинниковымъ; фауна Кавказа Менетріэ; фауна Амурскаго края — Шренкомъ. Многочисленны и весьма важны сочиненія, которыми обогатили зоологію Россіи Бэръ, Брандтъ, Миддендорфъ и др. Что касается флоръ Россіи, то хотя общая флора Ледебура издана и не Академіей, однако академикъ Мейеръ принималъ значительное участіе въ ея составленіи. Академія издала большое число отдѣльныхъ флоръ, какъ на пр. Primitiae florae amurensis Максимовича, Кавказскую флору — Мейера, менѣе обширныя флоры Астраханскихъ степей, Саратовской, Пермской, Петербургской губерній, и др. Сочиненія Триніуса и Рупрехта доставили многочисленныя приращенія познаній нашихъ о растительномъ царствѣ въ Россіи.

Труды академиковъ по минералогіи и палеонтологіи служили къ раскрытію минеральныхъ богатствъ Россіи. Довольно привести на память изъ ученыхъ прошлаго столѣтія — Лаксмана, Фербера, Франциска Германа; въ нынѣшнемъ столѣтіи Севергинъ далъ опытъ минералогическаго описанія Россійскаго государства (1809); Парротъ, Бетлингъ, Пандеръ, Гельмерсенъ, Абихъ обогатили науку геогностическими изслѣдованіями, произведенными въ разныхъ частяхъ Россіи. Предметомъ занятій акад. Кокшарова постоянно была минералогія Россіи; онъ оказалъ ей существенныя услуги своими обширными и точными кристаллографическими изслѣдованіями.

Переходимъ къ трудамъ по части *отечественной исторіи и древностей*. Русская исторія явилась впервые наукою только въ трудахъ членовъ Академіи, которой принадлежитъ заслуга и перваго обнародованія важнѣйшихъ нашихъ историческихъ памятниковъ, и первой критической разработки источниковъ нашей исторіи. Занятія по этой части въ Академіи начинаются съ первыхъ же лѣтъ ея существованія. Такъ уже Академикъ Коль началъ заниматься исторіею церковно-славянской литературы, которая въ то время еще представляла нетронутую область для разработки. Къ сожалѣнію, болѣзнь не позволила этому ученому

долго оставаться въ Россіи; но и по возвращеніи своемъ на родину онъ продолжалъ заниматься этимъ предметомъ и издалъ сочиненіе, представлявшее въ свое время не малый интересъ: *Introductio in historiam et rem literariam slavorum*. Болѣе важныя услуги нашей исторіи оказали другіе два ученые, прибывшіе въ Россію почти въ одно время съ Колемъ: то были Байеръ и Миллеръ, которыхъ имена будутъ всегда произносимы съ уваженіемъ и признательностію въ литературѣ отечественной исторіи. Байеръ посвятилъ себя изученію древнѣйшаго періода русской исторіи и географіи. Сознавая, что въ этомъ дѣлѣ нельзя обойтись безъ знанія русскаго языка, онъ побудилъ Миллера, выучиться этому языку, а также славянскому, предполагая потомъ вмѣстѣ съ нимъ приступить къ критической разработкѣ Русской исторіи, на основаніи нашихъ и иностранныхъ источниковъ. Отправленіе Миллера въ разныя страны Европы, а потомъ въ Сибирь, гдѣ онъ провелъ десять лѣтъ (1733 — 1742), воспрепятствовало Байеру пользоваться его содѣйствіемъ; тѣмъ не менѣе онъ съ помощью переводчиковъ продолжалъ труды свои, плодомъ которыхъ былъ цѣлый рядъ ученыхъ трактатовъ какъ по части древней русской исторіи, такъ и по исторіи восточныхъ народовъ, подвластныхъ Россійской имперіи или сосѣдственныхъ съ нею. При незнаніи русскаго языка и по тогдашнему состоянію науки, а еще болѣе по новости предмета, Байеръ не избѣгъ многихъ ошибокъ; при всемъ томъ онъ сдѣлалъ первый опытъ критической разработки нашей исторіи, и если нѣкоторыя изъ его статей, въ которыхъ онъ зависѣлъ отъ плохихъ переводчиковъ, въ настоящее время служатъ доказательствомъ лишь остроты его соображенія, за то въ другихъ, въ которыхъ онъ могъ довольствоваться одними иностранными источниками, онъ представилъ вѣрное рѣшеніе нѣкоторыхъ запутанныхъ вопросовъ. Такъ ему принадлежитъ заслуга мастерскаго рѣшенія весьма трудной задачи о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ. Байеръ принимался также и за исторію Петра Великаго, при чемъ пользовался драгоцѣннымъ дневникомъ Гордона. Онъ издалъ исторію Азова съ древнѣйшихъ временъ до Прутскаго мира, и обработалъ подробную біографію извѣстнаго молдавскаго господаря князя Константина Кантемира.

Дѣятелемъ на этомъ поприщѣ послѣ Байера явился Миллеръ. Заслуги этого ученаго достаточно признаны лучшими представителями у насъ исторической науки: такъ профессоръ Соловьевъ въ немногихъ словахъ удачно очертилъ дѣятельность Миллера на пользу нашего отечества. «Миллеръ, говоритъ онъ, пріѣхалъ въ Россію двадцати лѣтъ, и всѣ силы своей «долгой молодости посвятилъ Россіи, русской наукѣ: отъ береговъ Невы до береговъ Амура, «въ архивѣ московскомъ и въ областныхъ архивахъ, по сю и по ту сторону Уральскаго «хребта, неутомимый Миллеръ черпалъ извѣстія о судьбахъ необозримой страны, еще такъ «недавно открытой для Европы, выписывалъ, переписывалъ, собиралъ, безпрерывно развлекаемый вопросами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ; архиваріусъ, профессоръ, академикъ, исторіографъ, путешественникъ, географъ, статистикъ, журналистъ, Миллеръ былъ «вѣчнымъ работникомъ при громадной машинѣ русской цивилизаціи. Миллеръ работалъ неутомимо надъ отысканіемъ, собираніемъ матеріаловъ изъ разныхъ эпохъ русской исторіи «для объясненія той или другой стороны въ настоящей жизни Русскаго народа».

Незабвенна услуга, оказанная Миллеромъ исторіи Сибири. Извлеченныя имъ изъ сибирскихъ архивовъ выписки составили собою значительное число фоліантовъ, которые хранились долгое время въ Московскомъ архивѣ, но лѣтъ тридцать тому назадъ, по просьбѣ Академіи, были доставлены сюда, и до сихъ поръ служатъ Археографической Коммиссіи матеріаломъ для ея изданій.

Миллеръ и самъ трудился надъ разработкою собранныхъ имъ историческихъ памятниковъ. Изъ многочисленныхъ трудовъ его по этой части упомянемъ только объ изданномъ имъ «Описаніи Сибирскаго царства». Одинъ изъ академиковъ, сопровождавшихъ Миллера, Фишеръ оказалъ пользу наукѣ изданіемъ сочиненія объ исторіи Сибири. Не будучи въ силахъ одинъ обработать огромную массу собранныхъ имъ матеріаловъ, Миллеръ позаботился пріискать себѣ помощника; выборъ его счастливымъ образомъ палъ на молодаго, ученаго и даровитаго Шлецера, который былъ хорошо знакомъ съ методою строго научнаго изслѣдованія исторіи, и освоившись въ короткое время съ русскимъ и славянскимъ языками, въ продолженіе своей службы при Академіи оказалъ русской исторіи незабвенныя услуги. Такъ онъ положилъ основаніе критики Нестора и своими трудами по этой части составилъ эпоху въ наукѣ. По его предложенію Академія предприняла изданіе памятниковъ русскаго права. Первое изданіе «Русской Правды» вышло въ 1768 г. подъ его собственною редакціею; а «Судебникъ» напечатанъ, въ томъ же году, при содѣйствіи Башилова, котораго Шлецеръ приготовилъ къ трудамъ по изданію источниковъ русской исторіи. По его же мысли Академія старалась поощрить изслѣдованія въ области византійской исторіи. Конректору академической гимназіи, Штриттеру было поручено извлечь изъ византійскихъ лѣтописцевъ извѣстія, имѣющія значеніе для русской исторіи и для исторіи другихъ славянскихъ народовъ, Кавказа и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря. Таково происхожденіе столь извѣстнаго обширнаго сборника, изданнаго подъ заглавіемъ «*Memoriae populorum*» и принесшаго несомнѣнную пользу историческимъ изслѣдованіямъ въ Россіи.

То, что не удалось Миллеру, а именно исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе собранія русскихъ лѣтописей, взялся исполнить Таубертъ, и дѣйствительно въ 1767 году вышелъ Радзивиловскій списокъ (Библіотека Россійская Историческая, часть I). Но строгое сужденіе о немъ Шлецера, который написалъ предисловіе къ нему, было поводомъ къ прекращенію этого изданія. Шлецеръ началъ печатаніе большой Никоновской лѣтописи, которая и была окончена по его отбытіи изъ С.-Петербурга *).

*) Академіею въ прошломъ столѣтіи изданы слѣдующія лѣтописи:

1) Лѣтопись Несторова съ продолжателями до 1206 г. 1767 in 4°.
2) Русская лѣтопись по Никонову списку. Ч. I — VIII. 1767 — 92. in 4°.
3) Царственная книга. 1769. in 4°.
4) Царственный лѣтописецъ. 1772. in 4°.
5) Древняго лѣтописца Ч. I и II. 1774 in 4°.
6) Новгородскій лѣтописецъ. 1786. in 4°.
7) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. Ч. I и II. 1793—94 in 4°.
8) Россійская лѣтопись по списку Софійскому. Ч. I. 1795. in. 4°.

Кромѣ того Академія не упускала изъ виду также печатанія грамотъ и издала «Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики» (11 частей, 1786 — 1801).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи весьма важное вліяніе на развитіе у насъ исторической науки имѣлъ академикъ Кругъ, какъ своими изслѣдованіями, такъ и тѣмъ участіемъ, которое онъ принималъ въ поощреніи молодыхъ талантовъ къ историческимъ занятіямъ. Этотъ достойный ученый избралъ себѣ задачей — посредствомъ критическихъ изслѣдованій приготовить возможность появленія со-временемъ стройнаго зданія русской исторіи. Его «Введеніе въ русскую нумизматику» и «Критическій опытъ къ поясненію византійской хронологіи, преимущественно въ отношеніи къ древнѣйшей исторіи Россіи» были привѣтствуемы, при ихъ появленіи, общимъ вниманіемъ и надолго не утратятъ своего значенія.

Всецѣло отдавъ себя наукѣ, Кругъ, какъ истинный ученый, старался возбудить къ ней сочувствіе во всякомъ, въ комъ замѣчалъ талантъ и охоту къ историческимъ занятіямъ, и привлекать къ нимъ свѣжія силы. Такимъ образомъ нѣсколько историковъ, впослѣдствіи занявшихъ видное мѣсто въ ученомъ мірѣ, многимъ обязаны Кругу. Вскорѣ послѣ вступленія Круга въ Академію возвратился изъ-за-границы любимый ученикъ Шлецера А. И. Тургеневъ. Кругъ старался направить его на ученое поприще и даже намѣревался предложить его въ адъюнкты Академіи; но домашнія обстоятельства не позволили Тургеневу принять это предложеніе. Тогда Кругъ обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ людей, которыхъ между прочимъ Шлецеровъ «Несторъ» пристрастилъ къ изученію русской исторіи, то были Лербергъ и Эверсъ. Первый изъ нихъ, по предложенію Круга, былъ избранъ въ адъюнкты Академіи, но преждевременная кончина отняла его у науки. Не гоняясь за славою историка, онъ съ большимъ усердіемъ посвятилъ себя исторической географіи и генеалогіи Россіи. Его сочиненія, по его смерти, были изданы Кругомъ. Послѣ Лерберга, Кругъ желалъ ввести въ Академію Эверса, но безуспѣшно; тѣмъ не менѣе онъ оказалъ ему услугу тѣмъ, что содѣйствовалъ ему въ полученіи профессорской каѳедры въ Дерптѣ. Наконецъ стараніями Круга вступилъ въ Академію Френъ, имѣвшій въ свою очередь большое вліяніе на развитіе у насъ занятій оріентализмомъ. Погодина онъ также замѣтилъ въ самомъ началѣ его учено-литературной дѣятельности, и отдавая справедливость его критическому уму и здравому сужденію, предлагалъ его, въ 1828 году, въ адъюнкты Академіи. По обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ Академіи, это назначеніе не состоялось. Точно такое же содѣйствіе оказалъ Кругъ Шёгрену и Устрялову, которые по его предложенію были приняты въ члены Академіи. Словомъ, всѣхъ замѣчательныхъ молодыхъ людей, которыхъ занятія имѣли прямое или косвенное отношеніе къ русской исторіи, Кругъ поддерживалъ всѣми силами, и старался упрочить и обезпечить ихъ дальнѣйшую дѣятельность на пользу науки.

Блестящую сторону въ жизни Круга представляютъ его отношенія къ покойному канцлеру графу Н. П. Румянцову, который въ немъ нашелъ и ученаго совѣтника и ревностнаго помощника въ своихъ многочисленныхъ предпріятіяхъ на пользу русской исторіи. Въ 1826 году графъ Румянцовъ подарилъ Академіи капиталъ въ 25,000 р. асс., съ тѣмъ, чтобы онъ былъ употребленъ на изданіе русскихъ лѣтописей. Археологическое путешествіе Строева и

Бередникова, на счетъ Академіи, по разнымъ губерніямъ Россіи для отысканія историческихъ памятниковъ въ монастырскихъ архивахъ и библіотекахъ было предпринято въ 1828 г. по плану, одобренному Кругомъ, и имѣло важныя послѣдствія для изученія древней Руси. Однимъ изъ результатовъ этого путешествія было собраніе драгоцѣнныхъ историко-юридическихъ актовъ, значительная часть которыхъ издана потомъ Археографическою Коммиссіею. Въ 1833 году Строевъ представилъ Академіи 10 томовъ in- folio, наполненныхъ копіями съ памятниковъ историко-юридическаго содержанія. Получивъ такой богатый запасъ новаго матеріала для русской исторіи, Академія полагала, что настало время позаботиться объ изданіи этого матеріала, тѣмъ болѣе, что экономическія суммы ея, за выдачей 54,000 р. ассигн. на Археографическую Экспедицію, значительно истощились, и потому уже не возможно было думать о продолженіи путешествія по остальнымъ губерніямъ Средней, Западной и Южной Россіи. Но въ концѣ 1834 года Академія неожиданно для нея самой навсегда была уволена отъ заботъ по изданію этого матеріала: 24 декабря того года Высочайше учреждена «Археографическая Коммиссія» для собранія и изданія источниковъ русской исторіи въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. Вслѣдствіе этого распоряженія, Академія передала всѣ матеріалы, собранные членами Археографической Экспедиціи Строевымъ, Бередниковымъ и проч. въ Археографическую Коммиссію, на учрежденіе которой обращены были и остальные 21,337 руб. ассигн. Румянцовскаго капитала, составлявшаго въ то время 40,000 руб. ассигн.

Послѣ того, какъ опредѣленіе Погодина въ адъюнкты не состоялось, въ это званіе, по предложенію Круга, былъ избранъ Шёгренъ, который во время своихъ путешествій, предпринятыхъ собственно для лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, ревностно занимался и историческими розысканіями въ разныхъ архивахъ государства. Его спеціальныя изслѣдованія, особенно въ области исторіи Русскаго Сѣвера, напечатаны въ 1861 году въ полномъ собраніи его сочиненій.

Изъ академиковъ, составляющихъ нынѣ Академію, Н. Г. Устряловъ оказалъ несомнѣнную услугу раскрытіемъ и приведеніемъ въ порядокъ многочисленныхъ матеріаловъ для историческаго изученія важной для Россіи эпохи Петра Великаго. Акад. А. А. Куникъ посвящаетъ себя преимущественно критической разработкѣ и изданію памятниковъ, служащихъ къ поясненію древнѣйшихъ періодовъ русской исторіи; ему же наука обязана замѣчательнымъ монографическимъ трудомъ о происхожденіи Варяго-Россовъ.

Какъ для отечественной исторіи труды Академіи проложили первые пути къ надлежащему изданію важнѣйшихъ памятниковъ прошедшаго и къ критикѣ источниковъ, на которые опирается исторія, такъ точно стараніями Академіи же положено основаніе и для разработки отечественной *статистики*. Ученыя путешествія, совершенныя въ прошломъ столѣтіи, о которыхъ я уже говорилъ, и въ особенности путешествія Палласа, Гильденштедта и Георги, доставили весьма важныя данныя для статистики Россіи, которыя въ то время имѣли цѣну новости, какъ первыя въ своемъ родѣ, но которыя важны и до сихъ поръ, какъ матеріалъ для сравненій. Всѣмъ извѣстны заслуги Шлецера въ области общей статистики;

статистикѣ же Россіи онъ оказалъ ту услугу, что много содѣйствовалъ введенію у насъ правильнаго порядка собиранія свѣдѣній о движеніи народонаселенія. Онъ подалъ поводъ къ изданію повелѣнія 11 февраля 1764 г. о составленіи церковныхъ вѣдомостей. Сожалѣть должно, что сочиненіе его о народонаселеніи Россіи 1768 г. осталось недоконченнымъ; въ немъ помѣщены только поступившія въ Академію вѣдомости 1764 года, ибо въ просьбѣ его о сообщеніи ему церковныхъ вѣдомостей, поступившихъ въ послѣдующихъ годахъ, ему было отказано. Наконецъ сочиненія его: о монетномъ дѣлѣ въ Россіи и *Neuverändertes Russland*, по важности собранныхъ въ нихъ данныхъ, навсегда останутся необходимымъ пособіемъ для русской статистики.

Полезными трудами по отечественной статистикѣ мы также обязаны Георги, Крафту, Бенедикту Герману и Карлу Герману; но особенно важны въ этомъ отношеніи заслуги славнаго Шторха. Его первое статистическое сочиненіе—«Картина Петербурга» 1793 года — имѣло большой успѣхъ и было переведено на многіе европейскіе языки. Изданное имъ вскорѣ за тѣмъ статистическое обозрѣніе намѣстничествъ Россійской имперіи (1795) доставляетъ драгоцѣнныя данныя о народонаселеніи по 4-й ревизіи и о состояніи государства и торговли, полученныя оффиціальнымъ путемъ. Важнѣйшимъ же его трудомъ было «Историко-статистическое изображеніе Россіи въ концѣ XVIII вѣка» — обширное сочиненіе, удостоившееся перевода на русскій, французскій и англійскій языки, и представляющее величественную картину успѣховъ, сдѣланныхъ Россіей въ политическомъ, умственномъ и промышленомъ отношеніи.

Преемникомъ Шторха въ Академіи былъ Кеппенъ, который всю свою долгую и трудолюбивую жизнь посвятилъ изученію древностей, исторіи, этнографіи и статистики Россіи. Его любовь къ наукѣ и къ отечеству выразилась огромнымъ числомъ сочиненій, которыя хорошо извѣстны всѣмъ занимающимся у насъ статистикою и могутъ служить образцами, по добросовѣстности и точности обработки матеріаловъ. Не исчисляя здѣсь даже и важнѣйшихъ его трудовъ, каковы напр. его обработка данныхъ о народонаселеніи по 8 и 9 ревизіямъ, этнографическій атласъ Россіи, и пр., замѣтимъ только, что, по его предложенію и при его содѣйствіи, произведено г. Швейцеромъ, по порученію Академіи, самое полное и подробное до сихъ поръ исчисленіе по картѣ пространства губерній и уѣздовъ Россіи. По его же мысли и подъ его руководствомъ, собраны Академіею весьма важныя статистическія данныя, а именно списки населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Зная, что денежныя средства Академіи были недостаточны для изданія въ свѣтъ этихъ списковъ по всѣмъ губерніямъ, Кеппенъ желалъ по крайней мѣрѣ обратить общее вниманіе на пользу обнародованія этого весьма важнаго источника для всякаго рода статистическихъ, историческихъ и этнографическихъ изысканій, и съ этою цѣлью онъ обработалъ и издалъ такіе списки по Тульской губерніи (1858). И эта цѣль Кеппена была достигнута. Начало, имъ сдѣланное, послужило для Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ поводомъ къ предпріятію, которымъ онъ нынѣ занимается: къ изданію списковъ населенныхъ мѣстъ всей имперіи; и при этомъ изданіи Комитетъ пользуется между прочимъ и матеріаломъ, собраннымъ Академіею по плану

Кеппена. Наконецъ не могу не упомянуть о той сторонѣ его ученыхъ трудовъ, которая намъ всѣмъ извѣстна: огромные, собранные имъ, матеріалы для статистики Россіи были всегда и для всѣхъ открыты: къ нему постоянно обращались за справками и лица правительственныя, и ученые, и промышленики, и со всѣми готовъ онъ былъ радушно дѣлиться плодами своихъ трудовъ, въ надеждѣ содѣйствовать чрезъ то и повѣркѣ данныхъ, и точнѣйшему познанію столь горячо любимой имъ Россіи.

Географическое положеніе Россіи относительно Азіи, важность политическихъ и торговыхъ интересовъ нашихъ на Востокѣ, многочисленность мусульманскихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ имперіи, наконецъ то пособіе, которое представляютъ восточные писатели для Русской исторіи, все это придаетъ изученію *оріентальнаго* міра особое для насъ, русскихъ, значеніе. И въ этой отрасли знанія Академія пріобрѣла право на признательность тѣмъ, что проложила у насъ первые пути къ изученію Востока и обогатила науку важными трудами по исторіи и языкознанію восточныхъ народовъ.

Уже съ самаго своего основанія Академія обратила вниманіе на изученіе Востока, и одинъ изъ первыхъ ея членовъ, Байеръ, ревностно принялся за изслѣдованіе китайскаго, монгольскаго, калмыцкаго и даже тибетскаго и древне-индѣйскаго языковъ. При всемъ несовершенствѣ его трудовъ съ точки зрѣнія нынѣшней науки, они во всякомъ случаѣ остаются замѣчательными, какъ памятники первыхъ занятій у насъ этими языками. Впослѣдствіи Палласъ сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ Монголовъ и Калмыковъ, по большей части на основаніи данныхъ, собранныхъ переводчикомъ его экспедиціи, Іеригомъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія академикъ Клапротъ съ успѣхомъ занимался изученіемъ китайскаго языка.

Но наука о Востокѣ получила въ Академіи надлежащее развитіе лишь тогда, когда въ президенты ея былъ назначенъ государственный человѣкъ, вполнѣ постигшій призваніе Россіи быть посредницею между Европою и Азіей. Убѣжденный въ томъ, что безъ основательнаго изученія языковъ Востока нельзя достигнуть вполнѣ удовлетворительнаго съ нимъ знакомства, С. С. Уваровъ съ самаго своего вступленія въ Академію сталъ заботиться объ усиленіи ея состава достойными представителями разныхъ отраслей восточной лингвистики и литературы.

Въ 1817 году вступилъ въ Академію Френъ, оказавшій по этой части незабвенныя услуги. Съ воодушевленіемъ, подобнымъ тому, какое овладѣло отличнѣйшими умами на Западѣ при возрожденіи эллинскаго классицизма, онъ принялся за водвореніе въ Россіи изученія мусульманскаго Востока въ историческомъ, географическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Посвятивъ всю свою жизнь этому предмету, обладая самъ глубокими и обширными познаніями въ арабской, персидской и турецкой словесностяхъ, Френъ пролилъ новый свѣтъ на всю эту отрасль литературы. Обогативъ или даже учредивъ собственными усиліями восточныя библіотеки, собранія восточныхъ рукописей и монетъ не только при Академіи, но и въ разныхъ другихъ нашихъ центрахъ научной дѣятельности, онъ облегчилъ и другимъ пониманіе Востока, его народовъ и ихъ своеобразной словесности. Френъ, можно сказать, создалъ

совершенно новую науку—мусульманскую нумизматику, и съ ея помощью выполнилъ много пробѣловъ въ исторіи Востока. Важны также услуги, оказанныя имъ отечественной исторіи и географіи изданіемъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ восточныхъ писателей и относящихся до Россіи; таковы въ особенности его сочиненіе о древнѣйшихъ обитателяхъ Россіи, на основаніи Ибнфослана и другихъ арабскихъ писателей, и многочисленныя данныя, найденныя имъ въ арабскихъ рукописяхъ и касающіяся нашей древнѣйшей исторіи. Наконецъ нельзя забыть и того, что предаваясь самъ, съ увлеченіемъ юноши, подобнымъ розысканіямъ, онъ поощрялъ и молодыхъ ученыхъ заниматься историческими и нумизматическими изслѣдованіями по вопросамъ, рѣшеніе которыхъ могло пролить новый свѣтъ на не совсѣмъ еще разъясненные пункты отечественной исторіи.

Изученіемъ монгольскаго періода исторіи Востока занимался академикъ Шмидтъ, еще до поступленія въ Академію пріобрѣтшій себѣ извѣстность изданіемъ Санангъ-Сеценовой исторіи восточныхъ Монголовъ, и вообще основательнымъ знаніемъ монгольскаго и калмыцкаго языковъ. Плодомъ его академической дѣятельности были не только первая монгольская грамматика и первый монгольскій словарь, но и грамматика тибетская и словарь того же языка, отличающійся гораздо большею полнотою, чѣмъ подобный трудъ извѣстнаго венгерскаго путешественника-лингвиста Чомы Кэрэшскаго, которому впрочемъ ученая Европа обязана первыми основательными свѣдѣніями о тибетскомъ языкѣ. Шмидту же принадлежитъ заслуга изданія перваго обширнаго тибетскаго текста. Кромѣ того онъ сообщилъ, на основаніи монгольскихъ рукописей, болѣе удовлетворительныя, чѣмъ прежде, свѣдѣнія о догматахъ буддизма. Труды Шмидта по этому предмету были высоко цѣнимы знаменитымъ Бюрнуфомъ, который, какъ извѣстно, положилъ основаніе ученому изслѣдованію буддизма по индійскимъ источникамъ.

Для изученія грузинской исторіи и литературы весьма важны труды М. И. Броссе, которому удалось пролить новый свѣтъ на страну дотолѣ мало извѣстную въ ученомъ мірѣ. Вся дѣятельность его обращена на основательное изслѣдованіе исторіи, географіи, древностей и всего быта Грузіи, равно какъ и на приведеніе въ извѣстность важнѣйшихъ памятниковъ армянской исторіи.—Труды покойнаго Френа по части мусульманской нумизматики и исторіи Востока по отношенію къ Россіи нашли себѣ продолжателя въ академикѣ Дорнѣ, который снискалъ себѣ право на признательность своими сочиненіями о географіи и исторіи Кавказскихъ странъ по восточнымъ источникамъ, изданіемъ разныхъ мусульманскихъ матеріаловъ для исторіи и географіи земель, лежащихъ по южному берегу Каспійскаго моря, и многими статьями по пеглевійской нумизматикѣ.—Труды академика Вельяминова-Зернова преимущественно обращаютъ на себя вниманіе по тому интересу, который они представляютъ для русской исторіи: таковы напр. изслѣдованія его о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, объ источникахъ для изученія тарханства, жалованнаго Башкирамъ Русскими государями, изданные имъ татарскіе документы для исторіи Крымскаго ханства, и пр.

Естественныя науки, какъ извѣстно, долго не могли выйти изъ того положенія подчиненности, которое онѣ занимали, составляя лишь пособіе для медицины. Но уже давно есте-

ствознаніе стало на ту точку зрѣнія, съ которой оно должно было признать, что отдѣльныя произведенія органической и неорганической природы одинаково могутъ быть предметомъ изслѣдованія, что строеніе тайнобрачныхъ растеній и инфузорій стольже достойно вниманія наблюдателя, какъ и самыя величественныя проявленія растительнаго и животнаго міра. Но на благороднѣйшее проявленіе человѣческаго духа, на языкъ, смотрѣли еще свысока или же довольствовались лишь вопросомъ о его происхожденіи, вмѣсто того, чтобы углубляться въ изслѣдованіе его природы. Только мало по малу образовалось убѣжденіе, что языкъ самъ по себѣ можетъ сдѣлаться предметомъ ученой разработки, и что существуетъ наука о языкѣ. Это убѣжденіе явилось лишь тогда, когда, при помощи изслѣдованія не только многихъ языковъ и группъ языковъ, но и одного и того же языка на различныхъ ступеняхъ его развитія, стали понятны законы, которымъ подчиняются различныя звуковыя и грамматическія измѣненія. Изученіе языковъ не могло доставить удовлетворительныхъ результатовъ до тѣхъ поръ, пока оба классическихъ языка не были признаны за двѣ равноправныя отрасли одного и того же корня. Знакомство съ санскритскимъ языкомъ дало впервые возможность правильно судить о взаимномъ отношеніи различныхъ языковъ, извѣстныхъ нынѣ подъ общимъ названіемъ индо-германскихъ или индо-европейскихъ. Тогда постигли, что отдѣльныя отрасли кореннаго языка приводятъ къ древнему языку, который возстановить въ первобытномъ его видѣ весьма трудно, но что посредствомъ сравненія отдѣльныхъ языковъ можно уяснить себѣ исторію отдѣльныхъ фонетическихъ и грамматическихъ явленій и дойти до пониманія законовъ, по которымъ происходили различныя перемѣны; постигли, что отдѣльные языки этого корня находятся въ близкомъ отношеніи между собою, но отъ географическихъ, политическихъ и другихъ причинъ, съ теченіемъ времени получили различное развитіе, и что цѣлый рядъ преобразованій въ языкѣ можетъ быть объясненъ лишь столкновеніемъ его съ чуждыми элементами. Эти изслѣдованія привели къ тому неожиданному результату, что при помощи внимательнаго разбора несомнѣнно древнѣйшихъ словъ можно получить понятіе о древнемъ состояніи отдѣльныхъ народовъ и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ оказалось, что тамъ, гдѣ безмолвны историческіе памятники, одинъ языкъ можетъ еще свидѣтельствовать о прошедшемъ.

Вспомнимъ теперь, какое участіе принимала Россія, и особенно наша Академія въ успѣхахъ языкознанія. Съ самаго учрежденія Академіи началось въ ней собираніе различныхъ матеріаловъ для изслѣдованія языковъ и нарѣчій; путешественники прошедшаго столѣтія, Мессершмидтъ, Фишеръ, Миллеръ, Гмелинъ, Гильденштедтъ, Палласъ и другіе, собирали слова различныхъ народовъ какъ европейской, такъ и азіятской Россіи и Кавказа, и хотя при этомъ были въ виду преимущественно этнографическія цѣли, однако подобные труды незамѣтно проложили путь къ научному изслѣдованію языковъ. Въ связи съ такими трудами находятся заботы Императрицы Екатерины II-й, которая возложила на Палласа, оказавшаго столько услугъ наукѣ, завѣдываніе изданіемъ обширнаго сравнительнаго словаря. Только основываясь на этомъ трудѣ, Клапротъ могъ издать свою Asia polyglotta—сочиненіе, которое, хотя далеко не даетъ понятія о сущности

обнимаемыхъ имъ языковъ, много способствовало однако позднѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ изысканія Боппа и Гримма привели къ исторической и сравнительной разработкѣ индо-германскихъ языковъ, академикъ Грефе неоднократно заявлялъ въ Академіи о важности санскритскаго языка при лингвистическихъ изслѣдованіяхъ. По прозрачности формъ, дошедшихъ до насъ въ ихъ первобытномъ видѣ, этотъ ученый языкъ древнихъ Индовъ имѣетъ весьма важное значеніе, а по богатству представляемаго имъ матеріала бросаетъ яркій свѣтъ на родственные съ нимъ азіятскіе языки, т. е. на такъ называемые иранскіе, а равно и на принадлежащіе къ тому же корню европейскіе языки: на оба древне-классическіе языка, на кельтскія нарѣчія и на германо-славяно-литовскую группу. Поэтому Академія нашла необходимымъ предпринять изданіе по возможности полнаго санскритскаго словаря, который, представляя критическую разработку словъ языка въ различное время, способствовалъ бы успѣхамъ сравнительнаго изученія индо-германскихъ языковъ и знакомству съ богатой литературой Индусовъ. Въ той же мѣрѣ было необходимо, посредствомъ тщательной разработки иранскихъ нарѣчій, какъ наиболѣе близкихъ къ санскритскому языку, содѣйствовать изслѣдованію ихъ древняго состоянія. Это было цѣлью трудовъ, предметомъ которыхъ служили какъ персидскій языкъ и мазандеранское его нарѣчіе, такъ и языки: афганскій, курдскій и занесенный на Кавказъ оссетинскій языкъ. Изъ лингвистическихъ изслѣдованій этого рода укажемъ на труды академика Бетлинга по части санскритскаго языка, а именно на его «Словарь», на изданіе древнихъ грамматиковъ Панини и Вопадева, на Унади-Аффиксы, а также на «Индійскія изреченія», заключающія въ себѣ сокровища индѣйской мудрости и поэзіи. По части персидскаго и афганскаго языковъ замѣтимъ сочиненія академика Дорна, а именно его грамматическія примѣчанія къ Пушту, его хрестоматію и словарь Пушту, и статьи о мазандеранскомъ языкѣ; по части курдскаго языка — тексты Лерха, съ принадлежащимъ къ нимъ словаремъ, а также курдскіе тексты Жаба; по оссетинскому языку—составленную академикомъ Шёгреномъ основательную грамматику двухъ главныхъ нарѣчій этого языка, съ пространнымъ лексикономъ, и статьи того же ученаго объ оссетинскихъ звукахъ; наконецъ, въ настоящее время сюда же относятся оссетинскіе тексты академика Шифнера, поясненные рядомъ замѣтокъ объ этомъ языкѣ. Кромѣ азіятскихъ отраслей индо-германскаго корня, вниманіе Академіи обращали на себя литовско-славянскіе языки. Желая содѣйствовать ихъ изученію, она пригласила іенскаго профессора Шлейхера заняться изслѣдованіемъ древняго состоянія этихъ языковъ. Началомъ ожидаемыхъ отъ г. Шлейхера трудовъ служитъ приготовленное имъ новое критическое изданіе литовскаго поэта Доналейтиса, находящееся нынѣ въ печати. Кромѣ важности для славянской филологіи, литовскій языкъ имѣетъ немаловажное значеніе еще и по тому столкновенію, которое происходило между нимъ и финскими нарѣчіями, и относительно котораго найдется еще много пунктовъ, требующихъ разъясненія.

Что касается до финскихъ нарѣчій, то первый толчекъ къ ученой ихъ разработкѣ былъ данъ датскимъ ученымъ Раскомъ, стараніямъ котораго надо приписать начало такихъ изслѣ-

дованій и въ Россіи. Ближайшимъ предметомъ научной разработки служилъ собственно финскій языкъ, къ которому примыкаютъ съ одной стороны лаппскій, а съ другой — эстскій и ливскій языки. Академикъ Шёгренъ, впервые доказавшій важность изслѣдованія финскихъ нарѣчій для исторіи Россіи и особенно ея сѣвера, первый же доставилъ точныя свѣдѣнія о строеніи финскаго языка и изслѣдовалъ зырянскій языкъ. Подобно тому, какъ въ зоологіи мы обязаны Стеллеру знакомствомъ съ исчезнувшей вскорѣ послѣ него морской коровой, такъ въ лингвистикѣ Шёгрену принадлежитъ заслуга ознакомленія съ вымирающимъ ливскимъ языкомъ. Его изслѣдованія объ этомъ языкѣ продолжалъ и издалъ академикъ Видеманъ, которому сверхъ того мы обязаны грамматикою зырянскаго, вотяцкаго, черемисскаго и мордовскаго языковъ. Кромѣ того, во время своихъ путешествій, онъ собралъ матеріалы какъ для эстской грамматики, такъ и для долженствующаго вскорѣ выйдти въ свѣтъ подробнаго эстскаго словаря, въ который войдутъ всѣ нарѣчія, и котораго до сихъ поръ не доставало, несмотря на довольно обширную эстскую литературу. Подъ руководствомъ Шёгрена г. Савваитовъ составилъ грамматику зырянскаго языка, а подъ руководствомъ Видемана составлена г. Роговымъ грамматика пермяцкая. Зырянскому же языку посвятилъ часть своей ученой дѣятельности Кастренъ, который прежде того занимался изслѣдованіемъ объ ударенiи въ лаппскомъ языкѣ. Онъ былъ, можно сказать, первый, который съ чрезвычайною энергіею продолжалъ работы Шёгрена. Его труды по черемисскому языку соприкасаются съ трудами академика Видемана; но своимъ изслѣдованіемъ о самоѣдскихъ нарѣчіяхъ онъ вступилъ въ область, которая до него была, такъ сказать, никому неизвѣстна. Большую часть своей дѣятельности онъ посвятилъ изученію пяти болѣе или менѣе различныхъ между собою самоѣдскихъ нарѣчій, причемъ открылъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ сильной степени подверглись чуждому вліянію, а именно вліянію татарскаго элемента. Кромѣ обширнаго сочиненія о самоѣдскомъ языкѣ и самоѣдскаго словаря, Кастренъ обогатилъ лингвистику замѣчательными изслѣдованіями о татарскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири, а именно минуссинскаго округа, изложенными въ его койбальской и карагасской грамматикѣ. Отличнаго продолжателя такихъ трудовъ, преданнаго имъ съ увлеченіемъ и любовью, Академія нашла въ молодомъ ученомъ, Вильгельмѣ Радловѣ, который собралъ богатые матеріалы для познанія татарскихъ нарѣчій Сибири и составилъ обширный словарь этихъ дотолѣ неизвѣстныхъ ученому міру нарѣчій. Ближайшее познаніе татарскихъ нарѣчій могло быть достигнуто преимущественно при помощи изученія нарѣчія якутскаго, какъ такого, которое распространено восточнѣе, чѣмъ другія, и вслѣдствіе того совсѣмъ не испытало мусульманскаго вліянія, но которое носитъ на себѣ сильные слѣды монгольскаго элемента. На это нарѣчіе обратилъ вниманіе академикъ Бетлингъ, который объяснилъ всю его важность въ лингвистикѣ, и въ своей якутской грамматикѣ представилъ образецъ ученой обработки татарскихъ языковъ.

Первые грамматика и лексиконъ монгольскаго языка составлены Шмидтомъ; позднѣе, Кастренъ въ своемъ сочиненіи о бурятскомъ языкѣ разсмотрѣлъ измѣненія монгольскаго языка въ различныхъ его діалектахъ. Этому же ученому мы обязаны первымъ изслѣдова-

ніемъ о тунгузскомъ языкѣ, который до того времени былъ извѣстенъ лишь въ одномъ изъ своихъ нарѣчій, а именно въ письменномъ манджурскомъ языкѣ.

Эти языки европейскаго и азіятскаго сѣвера находятся между собою въ нѣкоторой зависимости, такъ какъ они, частію по своему строенію, частію вслѣдствіе столкновеній, представляютъ сходство въ образованіи. Но не должно забывать, что въ предѣлахъ Россійской имперіи есть также языки, которыхъ связь съ другими еще не раскрыта удовлетворительнымъ образомъ. И такіе языки неоднократно служили предметомъ ученыхъ изысканій. Такъ нарѣчіе енисейскихъ остяковъ и родственное съ нимъ коттское были впервые изслѣдованы Кастреномъ. Второе изъ этихъ нарѣчій онъ встрѣтилъ въ устахъ лишь нѣсколькихъ человѣкъ, и нынѣ оно почти совсѣмъ исчезло, такъ что, безъ трудовъ Кастрена, въ настоящее время нельзя было бы составить себѣ никакого понятія объ этомъ нарѣчіи. Подобная участь предстоитъ и юкагирскому языку, о грамматическомъ строеніи котораго сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія академикъ Шифнеръ. Сюда же относятся предпринятыя Леопольдомъ Радловымъ изслѣдованія объ языкахъ коряковъ и чукчей, и нѣсколько его статей о нарѣчіяхъ русско-американскихъ владѣній, каковы тлинкитское (колошское), кинайское и угалахмутское.

Изслѣдованіе этихъ различныхъ языковъ, какъ уже замѣчено выше, нетолько весьма важно въ лингвистическомъ отношеніи, но оно также способствовало уясненію нѣкоторыхъ этнографическихъ вопросовъ, а именно касательно переселенія народовъ. Только знакомство съ языками дало возможность объяснить названіе отдѣльныхъ мѣстъ и ихъ значеніе въ исторіи отдѣльныхъ странъ, и по нимъ выводить заключенія о мѣстахъ жительства отдѣльныхъ народовъ въ различныя времена. Наиболѣе очевиднымъ образомъ оказалось это недавно въ отношеніи этнографіи Кавказа. Изученіе языковъ этой страны въ послѣднее время привело къ совершенно новымъ результатамъ; здѣсь найдены языки, грамматическимъ строеніемъ своимъ нисколько не похожіе ни на индо-европейскіе языки, ни на языки финскаго, татарскаго и монгольскаго сѣвера. При изслѣдованіи кавказскихъ языковъ оказалось, что ученые взялись за классификацію языковъ преждевременно, и что надлежало напередъ изслѣдовать многіе еще неизвѣстные языки. Трудами академика Шёгрена объ осетинскомъ языкѣ, принадлежащемъ къ иранскому корню, но являющемся на Кавказѣ во многихъ видоизмѣненіяхъ, проложенъ первый путь къ знакомству съ кавказскими языками. Слѣдуя по этому пути, академикъ Шифнеръ обработалъ тушскій, аварскій и чеченскій языки. Въ близкой связи съ этими изслѣдованіями находятся отчасти даже вызванные ими лингвистическіе труды барона Услара о чеченскомъ и абхазскомъ языкахъ. Г. Шифнеру лингвистика обязана также первымъ основательнымъ изысканіемъ объ удскомъ языкѣ, принадлежащемъ закавказскому краю и постепенно вымирающемъ.

Во многихъ отношеніяхъ на ряду съ кавказскими языками стоитъ одинъ изъ языковъ средней Азіи, игравшій еще болѣе важную роль въ исторіи образованія Азіи, тѣмъ, что онъ служилъ къ перенесенію на большія разстоянія буддизма и вмѣстѣ съ нимъ индѣйской образованности. Мы разумѣемъ тибетскій языкъ, по строенію своему различный отъ дру-

гихъ извѣстныхъ образованныхъ. языковъ. Послѣ трудовъ венгерца Чомы, первый, кто познакомилъ Европу съ этимъ языкомъ, былъ академикъ Шмидтъ, издавшій не только грамматику и подробный словарь тибетскаго языка, но и обширный тибетскій текстъ. Первый же опытъ правильнаго объясненія различныхъ особенностей этого языка сдѣланъ академикомъ Шифнеромъ.

Скоро исполнится столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ жилъ нѣсколько времени въ предѣлахъ Россійской имперіи одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей, занимавшійся происхожденіемъ языковъ, а именно Гердеръ; конечно, то было еще задолго до того, какъ явилось убѣжденіе, что можетъ существовать особая наука о языкѣ. Прошло слишкомъ девяносто лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ его сочиненія «О происхожденіи языка». Если припомнить, сколько съ тѣхъ поръ собрано матеріаловъ, и притомъ матеріаловъ весьма богатыхъ, какъ для познанія отдѣльныхъ языковъ, такъ и для уразумѣнія сущности языка вообще, то мы можемъ съ нѣкоторою гордостію замѣтить, что значительною частью этихъ матеріаловъ лингвистика обязана Академіи, или же ученымъ, принадлежавшимъ и принадлежащимъ къ ея составу, а равно и такимъ, которые получили отъ нея вызовъ къ этимъ трудамъ и были ею поддерживаемы. Самою Академіею или же при ея содѣйствіи сдѣланъ рядъ положительныхъ и богатыхъ послѣдствіями открытій, послужившихъ къ вѣрному пониманію и изслѣдованію языковъ обширной индо-европейской вѣтви, къ научной обработкѣ языковъ финскихъ и татарскихъ, и къ познанію Кавказскихъ и Сибирскихъ языковъ — заслуга, которая навсегда останется за Академіею въ лѣтописяхъ наукъ

Но достаточно ли того, что уже сдѣлано? — Едвали. Не говоря уже о томъ, что большая часть изслѣдованныхъ до сихъ поръ языковъ должна быть подвергнута снова разсмотрѣнію съ цѣлью провѣрить различные вопросы, возникшіе при ихъ изслѣдованіи, мы уже и теперь видимъ, что во-первыхъ, языки Приволжскихъ финновъ должны быть изслѣдованы въ отношеніи лексикографическомъ, для разъясненія того, какія измѣненія произошли въ нихъ отъ славянскаго, татарскаго и другихъ вліяній; во-вторыхъ, финскіе языки по ту сторону уральскаго хребта, а именно остяцкій, съ различными его нарѣчіями, и вогульскій требуютъ почти совершенно новаго изслѣдованія, такъ какъ на сочиненія Кастрена объ остяцкомъ языкѣ надо смотрѣть лишь какъ на начало трудовъ по этой части, а изслѣдованія Регули о языкѣ вогуловъ привели къ весьма неудовлетворительнымъ результатамъ. Равнымъ образомъ осталась почти нетронутою обширная область тунгузскихъ нарѣчій, изъ которыхъ только съ двумя мы знакомы изъ трудовъ Кастрена; эти два языка притомъ принадлежатъ племенамъ небольшимъ и находящимся въ соприкосновеніи съ другими народами. Новой разработкѣ подлежатъ также монгольскія нарѣчія Сибири, а именно бурятскія и калмыцкія; послѣднія до сихъ поръ не были обстоятельно изслѣдованы, хотя труды Бобровникова могутъ служить прекрасною исходною точкою для такихъ изслѣдованій. Чувашскій языкъ, которымъ занимался Альквистъ, также еще недостаточно изслѣдованъ въ отношеніи его звуковъ и грамматическихъ формъ. Чрезвычайно обширную область для лингвистическихъ трудовъ представляютъ кавказскіе языки, и можетъ быть не малое число изслѣдователей

*

нашло бы здѣсь себѣ довольно занятія на многіе годы. Кромѣ вышеупомянутыхъ языковъ, почти всѣ языки Дагестана совершенно неизвѣстны ученымъ; а все, что доселѣ сдѣлано въ отношеніи языковъ западной части Кавказа, за исключеніемъ трудовъ барона Услара объ языкѣ абхазскомъ, не можетъ имѣть притязанія на значеніе ученыхъ изслѣдованій. Между тѣмъ кавказскіе языки имѣютъ большую важность для рѣшенія нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ о древнихъ обитателяхъ южной Россіи. Подобные же, нерѣшенные вопросы представляются и другими частями нашего отечества. Отъ болѣе точнаго изслѣдованія литовскихъ нарѣчій можно еще ожидать полезныхъ разъясненій для прежней исторіи литовскаго народа и его столкновеній съ другими, въ особенности финскими племенами. Финскіе языки сѣверозападной Россіи еще недостаточно изслѣдованы въ отношеніи ихъ связи съ сосѣдственными нарѣчіями. Изъ лаппскихъ нарѣчій, одно, а именно терское, совсѣмъ неизвѣстно. Основательное же изученіе этихъ нарѣчій и сравненіе ихъ съ наиболѣе близкими къ нимъ финскими языками и съ сосѣдственными съ ними языками чуждыхъ племенъ несомнѣнно приведетъ къ любопытнымъ этнографическимъ результатамъ.

Особенное вниманіе должно быть обращено на языки постепенно вымирающихъ народовъ; здѣсь прежде всего представляются спорадическіе языки Сибири. Не смотря на статьи Кастрена объ языкѣ енисейскихъ остяковъ и сочиненія Фицмайера о языкахъ курильцевъ и айну, эти языки должны подвергнуться новымъ изслѣдованіямъ. О языкѣ юкагировъ до сихъ поръ собраны лишь весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Языкъ гиляковъ, живущихъ на Амурѣ, извѣстенъ лишь по небольшому собранію словъ; о самомъ же строеніи этого языка мы не имѣемъ никакого понятія. Точно такъ же ожидаютъ еще основательной разработки нарѣчія сѣверовосточной Азіи и языки острововъ и материка Русской Америки, изслѣдованію которыхъ положено уже хорошее начало Леопольдомъ Радловымъ.

Когда современемъ будутъ изслѣдованы грамматически всѣ многочисленные языки инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, тогда будетъ предстоять еще огромный трудъ составленія полныхъ словарей этихъ языковъ; ибо по богатству языка въ лексикографическомъ отношеніи можно судить о степени развитія народа и о его отношеніяхъ къ другимъ народамъ. На основаніи хорошихъ грамматикъ и словарей можно составить исторію неисторическаго народа, которая часто можетъ быть достовѣрнѣе основанной на историческихъ документахъ.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о трудахъ Академіи относительно греческихъ и римскихъ древностей. Изученіе классической филологіи и археологіи, несмотря на всѣ нападки неправильно понимаемаго реализма, будетъ постоянно составлять существенную принадлежность высшаго образованія. Поэтому болѣе и болѣе глубокое изслѣдованіе греческаго и римскаго искусства и литературы есть задача, которой не можетъ оставаться чуждою никакая Академія, какой бы странѣ и какому бы народу она ни принадлежала. Но кромѣ общаго значенія въ наукѣ, труды представителей и этой части въ нашей Академіи имѣютъ также непосредственное отношеніе къ Россіи.

Согласно плану, котораго я держался въ этомъ изложеніи, не стану говорить о трудахъ Академіи собственно по классической филологіи; что же касается классической археологіи, то изслѣдованія нашихъ академиковъ по этой части представляютъ особенный интересъ для Россіи, такъ какъ предметомъ этихъ изслѣдованій по преимуществу служили произведенія древняго искусства, надписи и монеты, найденныя въ Русской землѣ или же хотя и привезенныя изъ чужихъ странъ, но сдѣлавшіяся достояніемъ Россіи тѣмъ, что они украшаютъ отечественные музеи и собранія древностей. Вспомнимъ при этомъ, что нѣкоторыя обширныя страны, входящія нынѣ въ составъ Россіи, были нѣкогда мѣстомъ процвѣтанія дѣятельной греческой жизни, которая оставила по себѣ слѣды въ многочисленныхъ памятникахъ, объясненіе которыхъ есть, такъ сказать, и право и обязанность Россіи, тѣмъ болѣе что они имѣютъ тѣсную связь съ первоначальною исторіею нашихъ предковъ.

Участіе Академіи въ обогащеніи классической археологіи начинается лишь съ того времени, когда въ число академиковъ былъ избранъ Келеръ (1817 г.). Его труды на всегда сохранятъ для насъ значеніе въ томъ отношеніи, что онъ остроумнымъ разъясненіемъ извѣстныхъ дотолѣ надписей и монетъ положилъ первое и большею частью прочное основаніе для исторіи нѣкогда процвѣтавшихъ на Русской почвѣ греческихъ колоній и возникшаго изъ нихъ Воспорскаго царства. Сюда относятся многочисленныя его сочиненія, напечатанныя въ изданіяхъ Академіи, и между прочимъ о городѣ Ольвіи, о медаляхъ Европейской Сарматіи, Херсонеса Таврическаго и Воспора Киммерійскаго, о дворцѣ Воспорскихъ царей и о городѣ Гаргазѣ въ Херсонесѣ Таврическомъ, объ островахъ и ристалищѣ, посвященномъ Ахиллу на Черномъ морѣ, объ исторіи и древностяхъ рыболовства въ южной Россіи. Кромѣ того Келеръ занимался объясненіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ древняго искусства, украшающихъ Императорскіе дворцы. Но въ особенности составили эпоху въ наукѣ изданныя уже по смерти Келера изслѣдованія его о собраніи рѣзныхъ камней Императорскаго Эрмитажа, принадлежащемъ, какъ извѣстно, къ числу богатѣйшихъ въ Европѣ. Послѣ Келера, преемникъ его, академикъ Стефани, продолжалъ, съ равнымъ усердіемъ, но еще съ бóльшимъ успѣхомъ, трудиться въ томъ же духѣ. Въ цѣломъ рядѣ статей, появившихся въ свѣтъ подъ заглавіемъ Parerga archaeologica, онъ далъ объясненіе надписей, монетъ, рѣзныхъ камней, вазъ и проч., найденныхъ въ Россіи или же принадлежащихъ Русскимъ музеямъ. Ученый свѣтъ по достоинству оцѣнилъ великолѣпное описаніе древностей Воспора Киммерійскаго, изданное Императорскимъ Эрмитажемъ, въ 3-хъ томахъ in folio, съ многочисленными гравюрами. Текстъ къ этому изданію составленъ г. Стефани и содержитъ въ себѣ объясненія надписей, вазъ, терракоттъ, монетъ, издѣлій изъ дерева и слоновой кости, найденныхъ въ мѣстахъ прежнихъ греческихъ колоній въ Россіи; эти объясненія проливаютъ новый свѣтъ на древнѣйшую исторію южнаго края имперіи. Въ послѣдніе годы дѣятельность г. Стефани сосредоточивалась на чрезвычайно важныхъ произведеніяхъ искусства и надписяхъ, открытіемъ коихъ въ почвѣ Россіи мы обязаны стараніямъ Императорской Археологической Коммиссіи. Отчеты этой Коммиссіи, которыхъ по сіе время вышло въ свѣтъ 5 выпусковъ (1859 — 1863), составляютъ, по сознанію первыхъ авторитетовъ науки, важнѣйшее пріоб-

рѣтеніе классической археологіи за послѣдніе годы. Перу нашего академика, какъ извѣстно, принадлежитъ въ этихъ отчетахъ та часть текста, которая посвящена ученому объясненію найденныхъ древностей. Кромѣ того г. Стефани принесъ значительную пользу наукѣ изданіемъ въ свѣтъ собранія сочиненій Келера. При этомъ онъ приложилъ не мало своего собственнаго труда на приготовленіе къ печати посмертнаго сочиненія Келера о рѣзныхъ камняхъ, и своими дополненіями и примѣчаніями сообщилъ системѣ этого ученаго дальнѣйшее развитіе. Важность этого рода памятниковъ древняго искусства и богатство, въ отношеніи ихъ, Императорскаго Эрмитажа послужили г. Стефани поводомъ посвятить этому предмету особое вниманіе; плодомъ его трудовъ по этой части было обширное разсужденіе о рѣзныхъ камняхъ, напечатанное въ изданіяхъ Академіи. Составленное нашимъ археологомъ сочиненіе «о нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ» отличается новымъ взглядомъ на древнѣйшее византійское искусство и на связь его съ классическимъ. Наконецъ, изъ многихъ другихъ сочиненій г. Стефани нельзя не упомянуть о его разсужденіи «Аполлонъ Боэдроміосъ», въ которомъ, благодаря изысканіямъ нашего сочлена, въ первый разъ объяснено удовлетворительнымъ образомъ значеніе одного изъ знаменитѣйшихъ произведеній древняго искусства, и опредѣлена высокая археологическая цѣнность сокровища, служащаго украшеніемъ богатой галлереи графа С. Г. Строгонова.

Въ предъидущемъ очеркѣ, я, стѣсняемый предѣлами времени, могъ только, скользя такъ сказать по предметамъ, коснуться лишь нѣкоторыхъ отраслей ученой дѣятельности Академіи. Извиненіемъ для меня да послужитъ то, что труды моихъ сочленовъ конечно достаточно извѣстны и оцѣнены просвѣщенными современниками. Но если бы я имѣлъ право долѣе занимать вниманіе ваше, я бы долженъ былъ представить здѣсь еще разныя другія стороны, которыми Академія принесла пользу Россіи; такъ, я долженъ былъ бы изложить заботы и труды Академіи по составленію тѣхъ обширныхъ и первыхъ въ своемъ родѣ у насъ учрежденій, которыя, подъ именемъ музеевъ, представляютъ обильнѣйшіе матеріалы для познанія Россіи, и будучи радушно открыты для всѣхъ, занимающихся серьезно наукою, послужили источникомъ для цѣлаго ряда разнообразнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ естественныя произведенія Россіи, а также исторію и литературу Востока; — я долженъ былъ бы, далѣе, изобразить то вліяніе, которое имѣла Академія на оживленіе ученыхъ трудовъ въ Россіи, чрезъ раздачу разнаго рода премій и наградъ. При этомъ нельзя забывать, что дѣйствіе такихъ наградъ заключается не въ одной матеріальной поддержкѣ, ими представляемой; истинное значеніе свое онѣ заимствуютъ изъ того обстоятельства, что раздаются первенствующимъ въ имперіи ученымъ учрежденіемъ, что въ нихъ выражается одобреніе со стороны ученыхъ, которые пріобрѣли право голоса своими трудами и сами занимаютъ мѣсто въ наукѣ.

Изъ этого обзора дѣятельности Академіи вы изволите, милостивые государи, видѣть, въ какой степени большая часть нашихъ трудовъ всегда имѣла и имѣетъ своимъ предметомъ Россію, ея настоящее и прошедшее, ея естественныя богатства и духовное ея достояніе — языки обитающихъ въ ней народовъ. Только имперія, простирающаяся въ трехъ частяхъ

свѣта, заключающая въ себѣ страны, въ которыхъ зрѣютъ виноградъ и оливы, и страны, въ которыхъ ежегодно въ теченіе болѣе мѣсяца ртуть остается замерзшею, — имперія, въ которой народы, ее населяющіе, столь разнообразны по происхожденію, языку и степени гражданскаго развитія; наконецъ — имперія, исторія которой близко соприкасается съ судьбами Европы и Азіи, только такая имперія могла дать содержаніе для трудовъ цѣлой Академіи въ теченіе почти полутора вѣка, и еще оставить неисчерпаемый запасъ матеріаловъ для ученыхъ трудовъ послѣдующихъ поколѣній. Изученіе этого цѣлаго міра — задача огромная, великая, и чѣмъ она важнѣе, тѣмъ желательнѣе видѣть умноженіе дѣятельныхъ силъ, направленныхъ къ ея разрѣшенію.

Пробѣгая мысленно исторію Академіи, мы видимъ, что назначеніе ея измѣнялось, смотря по обстоятельствамъ времени. Задуманная кипучимъ геніемъ Петра, Академія сначала была учрежденіемъ какимъ-то универсальнымъ, энциклопедическимъ, какимъ-то ученымъ микрокосмомъ: въ ней было все — и даже въ нѣсколько неясномъ смѣшеніи. Она должна была и «науки производить и совершать», и быть университетомъ и гимназіей, и распространять, посредствомъ популярныхъ книгъ, журналовъ, газетъ и календарей, общее образованіе, и даже заботиться о развитіи художествъ. Но мало по малу, съ успѣхами просвѣщенія, различные элементы ея состава болѣе и болѣе развиваются и для нихъ становятся необходимы уже иные органы. Потребности народнаго образованія вызываютъ собою учрежденіе цѣлой системы высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, при существованіи которыхъ академическій университетъ и гимназія становятся ненужными. Литература и наука дѣлаютъ такіе успѣхи въ обществѣ, что оно уже само, и даже въ гораздо лучшей мѣрѣ, можетъ удовлетворять своей потребности въ обобщеніи науки. Заботы о поощреніи пластическихъ искусствъ переходятъ на учрежденную потомъ Академію художествъ. Такимъ образомъ съ успѣхами общества упразднились для Академіи лежавшія на ней обязанности, кромѣ одной: совершенствовать самую науку, расширять предѣлы человѣческаго знанія, и эта задача собственно и составляетъ настоящую ея обязанность.

Есть люди, которые полагаютъ, что и заботу о разработкѣ науки слѣдуетъ предоставить самому обществу. Но не вдаваясь въ сужденія о томъ, что̀ могло бы быть при иныхъ условіяхъ, въ отдаленномъ и слѣдовательно болѣе или менѣе гадательномъ будущемъ, позволю себѣ только замѣтить, что въ настоящее время науки у насъ еще не могутъ обойтись безъ того высокаго покровительства, которымъ онѣ вызваны къ жизни и которымъ до сихъ поръ держатся. Если доселѣ все сколько-нибудь значительное, совершенное у насъ въ области наукъ, обязано своимъ существованіемъ единственно пособіямъ правительства, то нѣтъ никакого основанія думать, что настало время, когда наука можетъ уже обойтись безъ этихъ пособій. Исторія Академіи показываетъ, что значительныя пожертвованія, дѣланныя правительствомъ для водворенія на русской почвѣ самостоятельныхъ занятій наукою и для привлеченія къ нимъ русскихъ дѣятелей, только теперь начинаютъ приносить плоды. Лишить науку этой поддержки въ настоящее время — значило бы уничтожить и тотъ результатъ, который достигнутъ прежними пожертвованіями. А между тѣмъ самостоятельныя занятія наукою те-

перь намъ нужнѣе, чѣмъ когда нибудь. Если во времена Петра Академію еще и можно было, съ нѣкоторой точки зрѣнія, считать преждевременною, то въ настоящее время она есть необходимость. Чѣмъ значительнѣе политическое могущество Россіи, чѣмъ тяжеле мечъ ея на вѣсахъ европейскаго равновѣсія, тѣмъ священнѣе для нея обязанность заботиться о развитіи наукъ. Чѣмъ яснѣе обозначается мѣсто, принадлежащее великому народу Русскому среди другихъ народовъ, тѣмъ болѣе мы должны желать, чтобы голосъ его слышался не только въ вопросахъ войны и мира Европы, но и въ вопросахъ ея цивилизаціи и науки. Отказаться отъ самостоятельныхъ занятій въ области расширенія человѣческихъ знаній мы не можемъ, ибо это значило бы осудить себя на постоянную зависимость отъ иностранной науки, а такое положеніе было бы несовмѣстно съ значеніемъ Россіи. И притомъ если мы, ходомъ нашей исторіи, были поставлены въ такое положеніе, что долгое время только усвоивали себѣ готовые плоды, добытые трудами другихъ народовъ, то не лежитъ ли на насъ нравственный долгъ стараться теперь принести и свою лепту въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній?

Такъ всегда думало наше правительство, столь заботливо старавшееся о водвореніи у насъ науки; такъ думаетъ оно конечно и теперь. И Академія съ глубочайшимъ благоговѣніемъ приняла изъявленіе державной воли Монарха, пожелавшаго даровать Академіи новыя средства для усиленія ея ученой дѣятельности.

